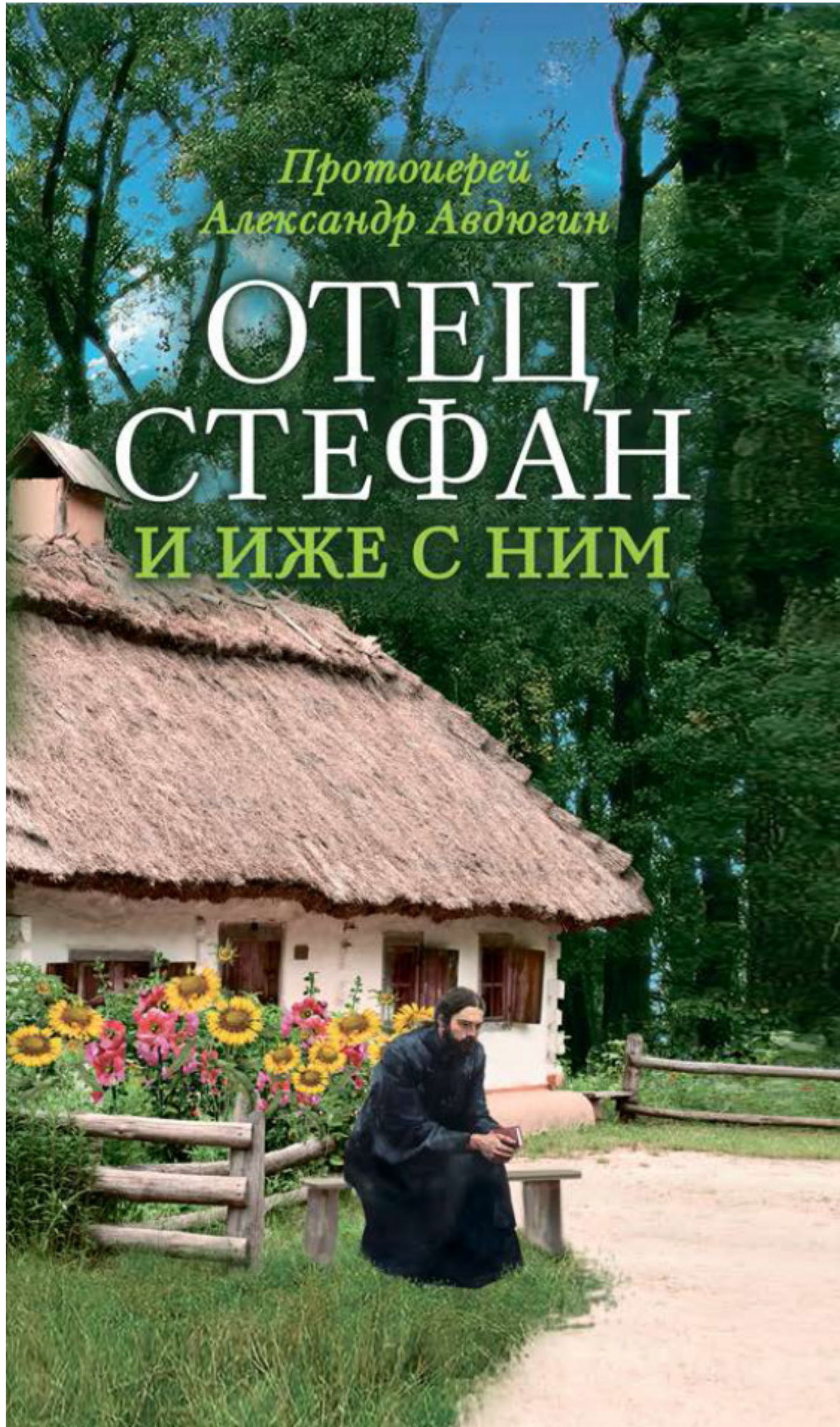

*Протоиерей
Александр Авдюгин*

ОТЕЦ СТЕФАН И ИЖЕ С НИМ

Зеленая серия надежды

Александр Авдюгин

Отец Стефан и иже с ним

«Издательство Сретенского Монастыря»

2018

УДК 821.161.1-322.2Авдюгин
ББК 84(2=411.2)6-44

Авдюгин А.

Отец Стефан и иже с ним / А. Авдюгин — «Издательство
Сретенского Монастыря», 2018 — (Зеленая серия надежды)

ISBN 978-5-7533-1434-5

Герои рассказов, заметок и этюдов отца Александра живут рядом с нами. Все сюжеты, живые и трогательные, веселые и грустные, взяты из жизни и написаны талантливым, мудрым, глубоко верующим священником. Автор хочет, чтобы читатель увидел человеческую красоту и утвердился в том, что миром правит доброта главного творения Божия. Для широкого круга читателей. 2-е издание.

УДК 821.161.1-322.2Авдюгин

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-7533-1434-5

© Авдюгин А., 2018
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2018

Содержание

Часть I	6
Отец Стефан	7
Восьмая заповедь	10
Таможенный эксклюзив	14
Указ владыки	18
Детективная история	22
Живица	25
Прогрессивный батюшка	28
Запечатал	31
«Это, братцы, не беда, а чередá смирения»	34
Экзамен с псевдонимом	38
Историческое открытие	42
Батюшкин сон	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Протоиерей Александр Авдюгин

Отец Стефан и иже с ним

Часть I Отец Стефан и иже с ним

Отец Стефан

Отец Стефан молод. И еще он целибат. Встречается такое в нашем священстве, хотя и редко, ведь традиция эта не православная по происхождению. Целибат – священнослужитель, который отказался связывать себя узами брака, монахом же стать у него или духу не хватило, или оставил на «потом». Но как бы там ни было, время, употребляемое белым священством на заботу о семействе, у отца Стефана оставалось свободным для пастырских дел.

Именно поэтому Его Высокопреосвященство издал указ, по которому под начало иерея Стефана были приписаны сразу три прихода на севере епархии. С формулировкой «настоятель храмов».

Северная часть митрополичьей вотчины в целом отвечает понятию «север», так как мало заселена, бедна и разорена за последние годы. Сюда на исправление и вразумление ссылают из богатых промышленных южных городов нерадивых клириков.

Отец Стефан нерадивым не был. Он был энергичным, все успевал: служить, как положено и когда положено, исполнять требы, вести воскресную школу и даже книжки читать.

Длинная косичка и развевающиеся фалды рясы отца Стефана постоянно видны на приходе в разных местах одновременно – столь стремительны его движения и энергичны действия. По ступеням он взлетает, возгласы произносит звонко и оглушительно, молебны и панихиды может пропеть сам, потому что клирос не всегда в состоянии исполнить ирмосы и тропари распевом казачьей походной песни, отвечающим внутренней сущности молодого батюшки.

Настоятели храмов, куда ранее причисляли иерея Стефана, через два-три месяца его служения отправлялись в епархию с просьбой вернуть приходу тишину и спокойствие, напрочь утерянные благодаря энергичному и неутомному клирику.

Теперь, получив настоятельское назначение, отец Стефан сложил все свое нехитрое имущество в два алюминиевых ящика, которые он ласково называл «груз 200», и пошел в областное управление сельского хозяйства. За десять минут он доказал чиновнику, отвечающему за район будущего служения, что тот, хоть и не носит крестик на шее и держит в кабинете «похабный» календарь, должен все же обязательно предоставить ему транспорт для переезда к месту

назначения. Машину чиновник тут же нашел и сам помог ее загрузить, а по благополучном отбытии просителя долго не мог понять, почему он это делал. Также не поддавалось объяснению, с какой стати красочный настенный ежемесячник «Мисс Украина» – порванный – покоится в урне.

Три храма, попечение о которых было теперь возложено на молодого настоятеля, располагались друг от друга в паре десятков километров. Один из них, центральный, занимал бывшее здание районной ветеринарной лечебницы, закрытой за ненадобностью по причине отсутствия пациентов. Второй храм оказался типовой церковью XIX века, сложенной из красного кирпича «царского» производства и поэтому сохранившейся, так как разбить кладку прадедов не смогли даже взрывчаткой. Этот храм был красив, солиден, намолен и историчен, но над ним не было крыши, а на оставшихся перекрытиях, над алтарем, росли кусты акации. Третий приход отца Стефана предстал пред ним в наиболее живописном виде. На берегу большого пруда, сплошь заполненного крикающей и гогочущей птицей с частной птицефабрики, были аккуратно сложены полторы сотни железобетонных блоков. Здесь же красовался вбитый в землю деревянный крест с надписью белой краской: «Борисоглебская церковь».

Обозрев владения, отец Стефан разместился в двухкомнатной квартирке, вернее, в бывшей приемной ветеринарной лечебницы, переоборудованной под жилье, и полчаса колотил в подвешенные пустые газовые баллоны, несущие послушание колоколов. Народу пришло достаточно, хотя половина – просто из любопытства: посмотреть на нового попа и остановить долгий трезвон, нарушающий тихое, размеренное течение жизни поселка городского типа.

Отец Стефан представился и звонким голосом очень подробно рассказал, что значит православный приход в жизни каждого здешнего обитателя. Посетовав на внутривраховую бедность и внешнецерковную убогость данного центра духовности, батюшка взял на себя обязательство быстро привести все в достойный, благообразный и эстетически цельный вид. Прихожане уже ожидали требования о пожертвовании и приготовили каждый от 25 копеек до гривны, что в сумме составило бы цену одного обеда в местном кафе. Но новый пастырь этих слов не сказал и вообще ничего не попросил. Он закончил свою проповедь-обращение очень четким заявлением: «Завтра я, староста и псаломщица начинаем обход всех домов поселка. Подряд: дом за домом, улица за улицей. Крестим тех, кто не крещен, служим молебны, освящаем жилье, подворья, огороды и скотину. Пропускать никого не будем. Со мной вместе будут ходить ваш дорогой участковый, представитель районной власти и пожарник, чтобы все делалось правильно с точки зрения светского закона и благопристойно по правилам церковным».

Народ не понял, невольно сжался, и в этом внимании было начало уважения, как, впрочем, и раздражения. Списали на молодость, пафосность и неопытность молодого да быстрого попа, но оказались неправы.

В тот же день отец Стефан явился к главе поселковой администрации и решительно доказал последнему, что избирателя надо знать в лицо, проникнувшись заботой о проблемах каждого в преддверии предстоящих выборов. Союз же власти и церкви обеспечит нынешнему руководителю небывалый рост электората, а присутствие его лично или ближайшего заместителя на поголовной миссии освящения и воцерковления выбросит местную оппозицию, конкурентов и недоброжелателей на свалку политической истории поселка городского типа. Надо сказать, что такого местный голова придумать не смог бы, поэтому охотные и радостные заверения во всемерной поддержке благого начинания отец Стефан получил немедленно.

С милицией и пожарниками было еще проще. Настоятель, посочувствовав не очень хорошей статистике правонарушений, преступлений и противопожарной безопасности, напомнил руководителям этих подразделений, что во главе угла их деятельности должна стоять профилактика. И вряд ли когда еще будет столь благоприятное время определить пожаростойкость зданий и потенциальную опасность нарушения общественного спокойствия, чем запланированное мероприятие. Тем более что, кроме священника, прибудет и местный голова. Мили-

ция воспряла духом, предвкушая изобилие самогонных аппаратов и улик повального местного увлечения – растаскивания по домам государственного добра и прочей личной, но чужой собственности.

Вечером отец Стефан добрался и до птицефабрики. Директор оказался на месте. По-другому и быть не могло. Во-первых, фабрика принадлежала ему лично. Во-вторых, не вызывало сомнений этническое происхождение Гусарского Бориса Соломоновича. Оно накладывало особый отпечаток на его характер, резко выделяя в нем педантичность, работоспособность и предприимчивость, не присущие представителям местного национального большинства.

Зайдя в директорский кабинет, отец Стефан мгновенно понял: здесь обитает человек, который может все, если ему это нужно и выгодно.

Доказать, что птичники фабрики Гусарского будут производительней и, главное, честнее, если рядом будет стоять церковь, молодой иерей смог без труда. Причем при помощи одного-единственного довода: «Борис Соломонович, вы же прекрасно знаете, как кристально чисты и трудолюбивы ортодоксальные евреи, а во мне вы видите консервативного ортодокса!»

Когда же, расписав все преимущества православных работников перед безбожниками, отец Стефан сообщил ошарашенному директору, что помощь в строительстве храма скостит часть его непомерных налогов, вопрос был решен. Окончательно.

Через полгода отец Стефан сидел в приемной епархиального секретаря с прошением. Он требовал выделить на его приходы двух священников. Ведь не может же он один служить литургию в трех храмах одновременно!

Архиерей батюшку принял, благосклонно выслушал, похвалил за труды, пожурил за лохматость и запыленный подрясник, рассказал, что лишних пастырей у него в наличии не наблюдается, но одного он все же к отцу Стефану направит.

– Ты, батюшечка, не расстраивайся. Пока силы молодые никуда не ушли, с двумя приходами справишься, да и к местным ребятишкам, которые тебе в алтаре помогают, присмотришься. Даст Бог, найдется среди них священник будущий...

Восьмая заповедь

Как известно, отец Стефан является celibатом.

Мнения о данном житейском состоянии у народа православного разнятся, но как бы там ни было, сочувственных вздохов и взглядов celibат, особенно в возрасте сугубо продуктивном, слышит намного больше, чем отказавшийся от всего мирского монах.

Чего с монаха взять-то? Он ведь в подчинении постоянном, под приглядом начальства монастырского и духовника собственного. У него и забот-то: молись да с грехом борись. Даже те, которые в миру, вне обителей живут, все едино ни на кого не похожи. И для народа понятнее: монах, он и есть монах.

А тут celibат... Пока отец Стефан на приход свой добирался, верующие и неверующие поселка и так и этак слово это склоняли, спрягали и обсуждали, пытались в нем тайный смысл найти. И не смогли. Остановились на двух вариантах.

Первый от деда Архипа:

– Celibat – это, девки, цельный батальон заменяющий!

Девки возраста деда Архипа и постарше вначале оторопели от подобного определения, а потом разом все налетели на старика с эпитетами всякими, для литературного изложения малоподходящими.

Второе обоснование, от местного церковного умельца (которого в свое время метили на должность поповскую), было принято с большим доверием. Да и как не принять?! Сергей Иванович слыл человеком сведущим в делах церковных и религиозных. Он даже участвовал в съезде тщательно законспирированного православного объединения, а также подписывал почти все обращения и петиции насчет масонских происков, штрихкодов и канонизации Иоанна Грозного.

– Celibat есть священник, занимающийся исцелениями, – подвел итог диспута Сергей Иванович, чем сначала вверх в огорчение бабушку Фросю, известную своими «врачебными» способностями, а затем не на шутку встревожил местного костоправа – знаменитого на всю округу дядю Васю.

Баба Фрося вскоре успокоилась, так как у нее был хороший и очень сильный заговор супротив конкурентов, а вот костоправ Василий технике литья воска в заговоренную воду обучен не был, поэтому серьезно опасался уменьшения доходных статей по вправке вывихов и установке на место позвоночных дисков.

Как бы там ни было, приезда нового священника ожидали с любопытством и волнением. Готовились.

Первая служба прошла на редкость слаженно и, по меркам поселка городского типа, многолюдно. Ожидаемых речей о грядущем конце света, НЛО и тайных старцах от отца Стефана не услышали, как и призывов к введению десятины не дождались.

Батюшка только в проповеди попросил соседей любить, домочадцев не обижать, да силой внуков и внучек в церковь не тащить... Никаких исцелений и чудес не произошло, да и на исповеди отец Стефан лишь вздыхал, «спаси Господи» раз за разом повторял и просил говорить не за всех, а только за себя.

Хотя одно смущение произошло, но его отнесли к отсутствию у нового священника навыков поселковой жизни. Дело в том, что отец Стефан после четкой, по брошюре «Как нужно каяться» построенной исповеди Сергея Ивановича спросил у отпарпотовавшего грешника:

– Чужое брали?

Сергей Иванович совершенно искренне возмутился:

– Батюшка, я же православный! Как же можно?!

– А где вы работали до пенсии? – не отставал священник.

– Как где? В совхозе овощеводом, – отвечал Сергей Иванович. – Пока он не развалился из-за этой власти антихристовой.

– И что же, – продолжал спрашивать настырный священник, – домой ни огурца, ни помидора с капустой не брали?

Тут Сергей Иванович изумился:

– Как это не брал? Оно же совхозное, а вот чужого, Боже упаси...

«Станный какой-то поп», – подумал Сергей Иванович, но все же серьезностью исповеди остался доволен, а разговор о грядущем на днях апокалипсисе отложил на ближайшее будущее.

Других изъянов за новым батюшкой православный и просто пришедший посмотреть на нового священника поселковый люд не обнаружил и даже дивился, что отец Стефан был со всеми уважителен, внимателен и на «вы».

Сложность произошла через пару недель, когда отец Стефан, вечно спешащий по приходским делам, совершенно не в соответствии с саном споткнулся о притворную ступеньку и растянулся во весь свой богатырский рост в церковном дворе. По мнению приходского люда, священник должен быть степенным и немного важным, а не прыгать по двору и лесам строительным, как молодой прораб. Несolidно это для пастыря душ человеческих.

Но батюшка не только упал, он еще и ногу умудрился подвернуть. Подняться без посторонней помощи ему удалось, а вот дальше бежать он уже не смог, впрочем, и просто идти ему тоже никак не удавалось.

Тут же появилась прилучившаяся именно в это время на данном месте баба Фрося, которая, мелко-мелко крестя полулежачего на ступеньках священника, затараторила:

– Лом, лом, выйди вон из всех жил и полужил, из всех пальчиков и суставчиков. Лом колючий, лом могучий и стрелючий, и денной, и полуденной, и ночной, и полуночной, часовой, глазной и куриный, и лом срединный. Ступай, лом, в чистое поле, в синее море, в темный лес под гнилую колоду. Не я хожу, не я помогаю, ходит Мать Божья Пресвятая Богородица...

До отца Стефана дошло, чем его потчуют, и, вспомнив семинарские годы, он рявкнул:

– Изыди!

Ефросинья сгинула с глаз настоятельских, как будто ее и не было, лишь слышались ее причитания и сетования.

Сергей Иванович оказался более практичным и рассудительным:

– Вам, отче, к нашему костоправу надо. Он тут рядом живет...

– Я лучше в больницу, – кривясь от боли, выдавил из себя отец Стефан. – А то и там мне начнут «как на море-океяне бесы кости собирали».

– Нет, батюшка, – уверил Сергей Иванович, – наш костоправ читать ничего не будет, а вот ногу на место поставит. Да и больница далеко...

Настоятель по причине полного отсутствия возможности двигаться согласился. Сергей Иванович тут же подогнал свою, купленную во времена советские, «копейку», усадил в нее вздыхающего батюшку, а затем спросил:

– Бутылку в лавке возьмем или благословите церковного из кладовой принести?

– Какую бутылку? – не понял отец Стефан.

– А рассчитывать с костоправом вы чем будете, отче? – удивился Сергей Иванович.

Настоятель благословил взять «церковного».

Василий, с утра вставив диски на поясище очередного, «из городу» приехавшего клиента, пребывал в настроении отдохновительном и философском. Это значит, что сидел он на скамейке в обществе соседа в собственном палисаднике, дымил «Примой» и рассуждал на околomedicalские и философские темы.

Сосед внимательно слушал. Да ему больше ничего и не оставалось, так как еще сто грамм из васьлевского гонорара за лечение горожанина он мог получить только при условии полного консенсуса с мыслями и идеями костоправа.

Тут и подкатил выдавший виды жигуленок Сергея Ивановича.

– Вот видишь, сосед, – прервав философские изыски, сказал Василий, – мне сам Бог помогает. Ко мне служителя Своего направил... Ты пойдй, соседушка, помоги попу дошкандыбать до хаты, вишь, на нем лица нет, и в юбке своей он путается.

Пока Сергей Иванович с соседом вели отца Стефана в дом, Василий успел снять затертый пиджак периода позднего брежневизма и надеть белый халат того же времени и той же кондиции, на кармане которого было вышито: «МТФ 1 смена».

– Что случилось, отец святой? – приняв профессорский вид, спросил костоправ.

– Да вот, крылыцо... ступенька... – только и мог ответить священник.

Усадив больного на стул, Василий склонился над ногой батюшки, ловко расшнуровал ботинок и так же профессионально стащил его.

Нога заметно распухла.

– Ты, отец святой, какого года будешь? – продолжил задавать вопросы Василий, ловко и сноровисто ощупывая ногу сельского пастыря.

– Шестьдесят пятого, – отвечивал отец Стефан.

– А чего ж жены не завел, деток не заимел?

– Так celibat я.

– Это как? Целитель, что ли? – не отставал костоправ, продолжая свои непонятные манипуляции над конечностью батюшки.

– Да нет, – смутился отец Стефан, – это просто если до того, как стал священником, не женился и монашество не принял, то становишься celibatom. Уже матушку иметь нельзя.

– Вот как?! – изумился Василий. – И как же ты с этим горем справляешься, без бабы мужику ведь никак нельзя?

Отец Стефан, дабы уйти от совершенно ненужной и не нравящейся ему темы, решил перевести разговор в иную плоскость. Тем более что ему тяжело было думать над правильностью и доходчивостью своих ответов и одновременно следить за манипуляциями рук костоправа.

– Скажите, Василий, а что это за обозначение у вас на халате: «МТФ 1 смена»?

– Это, отец святой, баба моя на молочной ферме работала, в первой смене и... – В этот момент Василий резко сжал руками ногу священника и со всей силы крутанул стопу, в которой что-то резко щелкнуло.

Батюшка взвыл.

– И вот оттуда халат и принесла, – закончил, улыбаясь, местный костоправ.

Отец Стефан, вытирая со лба, усов и бороды обильный пот, по инерции произнес:

– Чужое грех брать. Восьмая заповедь Божия – «Не укради».

– Какое чужое, отец святой? – абсолютно искренне огорчился Василий. – Совхозный это халат, с фермы, а чужого я отродясь не брал!

И в сердцах обидчиво закончил:

– Нет чтоб за ногу поблагодарить, так он мне грехи выдумывает.

Отец Стефан только теперь понял, что боль утихает и, главное, нога точно в соответствии с анатомией расположена, а не наперекосяк.

– Да вы меня простите, Василий, может, я не понимаю чего. Не знаю, как вас и благодарить. Век молиться буду! – запричитал батюшка.

Василий с полностью поддерживающим его Сергеем Ивановичем сменили гнев на милость и ответствовали, что со священника они денег никогда не возьмут, а вот если по стопке за его здоровье, то с превеликим удовольствием...

Давно зажила вывихнутая священническая нога, раскаялась и забросила свое ремесло после внушений, бесед и проповедей бабка Фрося, но трудно и сложно отцу Стефану по сей день объяснить, где заканчивается «мое» и начинается «чужое». Видно, как Моисею, лет сорок придется ждать и учить. Пока не выветрится...

Таможенный эксклюзив

Как известно, у отца Стефана было под началом два прихода. Один в поселке, носящем гордое определение «городского типа», а другой – в забытой людьми и районной администрацией деревеньке.

В деревеньку эту батюшка заглядывал регулярно, но не часто, так как особой надобности в службах не было по причине отсутствия на них молящихся. Да и вести богослужение с единственным деревенским пономарем-помощником было сложновато. Диалог какой-то выходил, а не богослужение. Поэтому небольшой старенький домик, переоборудованный под церквушку, все называли молельней, тем более что отец Стефан в ней молебны и пел, да водичку освящал, а еще панихиды служил.

Панихида и водосвятный молебен – обычно наиглавнейшие службы в провинциальной глубинке, хотя богословы с этим и не согласны. Наш настоятель двух храмов изначально мыслил одинаково с богословами, но постепенно богословие отца Стефана интегрировалось с местными требованиями и условиями.

Нет, он прекрасно понимал и даже постоянно проповедовал, что выше литургии нет моления, но, как ни кивали утвердительно бабушкины платочки на слова настоятеля, на литургию являлся лишь пономарь.

Родственников же помянуть да водичку освятить приходили все, кто еще мог до церквушки дойти. Причем не просто приходили, а вместе с тарелочками и блюдечками вареного риса (кануном, по-местному), приносили также продукты «на церкву», то есть батюшке. Отец Стефан сутяжным и меркантильным не был, но даже его целибатную сущность чем-то кормить было надобно, да и на главном его приходе, в поселке городского типа, продукты эти были насущно необходимы по причине регулярных церковных обедов для причта и неимущих.

Смущало отца настоятеля это преимущество «второстепенных» служб над основной и главной, и он постоянно занимался самоукорением, а также поиском нужных слов, примеров и доказательств, чтобы побороть доморощенную, местечковую богословскую мысль.

После долгих размышлений и раздумий решил батюшка собранные на два подсвечника деньги потратить на книжки, брошюры, иконки, видео- и аудиодиски и прочие церковно-лавочные принадлежности, которые, по его мнению, должны были все же освежить увядшие богословские познания прихожан.

Нельзя сказать, что в церковной лавке подобных изданий и изделий не было. Были. Но в то время на епархиальном складе данный «товар» имел столь неказистый и непривлекательный вид, что особого любопытства ни у кого не вызывал, да и цены на него были отнюдь не для поселков и деревень.

Практически рядом с приходом отца Стефана проходила недавно появившаяся граница между двумя крайне независимыми государствами¹, за которой располагалась уже иная православная епархия. В деле снабжения церковной утварью, свечами, облачениями, книгами и прочим товаром церковно-приходского свойства соседи были в полном превосходстве, поэтому местные настоятели потихоньку подкармливались у соседей, за что периодически получали нагоняи от собственного архиерея... Впрочем, недовольство родного владыки всегда покрывалось его любовью к им же рукоположенным чадам, а соседний архиерей, видя наплыв из-за кордона, тут же издал негласный указ: «Хохлам на 20% дороже», чем несказанно улучшил благосостояние собственной епархии.

Как бы там ни было, на межгосударственных отношениях данный прецедент никак не сказался, а вот таможня встала перед дилеммой: с одной стороны, Церковь одна, но с другой – государства разные. Прописывать же законы по перемещению церковных принадлежностей никто не решался ни с той, ни с другой стороны, поэтому все зависело от понимания таможенниками принципа: «Вас накажешь – Бог накажет».

Большинство понимало верно, по-православному, но встречались и эксклюзивы, твердившие о подрыве национальных экономик, интересов и культурных ценностей.

Отец Стефан был абсолютно уверен, что заграничные миссионерские приобретения не могут подлежать никакому таможенному контролю, тем паче что как по одной, так и по другой стороне границы обличья граждан абсолютно одинаковые, языки схожие, менталитет ничем не отличается.

К сожалению, батюшка ошибся. Ему именно эксклюзив в фуражке с зеленым околышком и попался, причем как на той, так и на этой стороне.

Дело в том, что нашему настоятелю двух храмов, как он сам решил, несказанно повезло. Наряду с иконками, крестиками и разнообразной красиво изданной литературой, он приобрел парочку ящиков местного и потому дешевого кагора и упаковку покрывал, которыми в последний путь укрывают усопших.

До края загруженный жигуленок, вытребованный батюшкой у председателя поселкового совета, урча и пыхтя, въехал под таможенную арку и замер, ожидая пропуска в родное государство.

Таможенник попался молодой, крайне выглаженный и выбритый, с лицом государственной ответственности и международной значимости. Мельком оглянув пакеты с книгами и иконами, он, указывая на ящики с вином, заявил:

– Провоз разрешен не более двух литров.

– Так это же вино не для питья, а для причастия! – возмутился отец Стефан. – Оно и за вино считаться не должно.

– Да хоть в бензобак его используй! Нельзя более двух литров, – отрезал таможенник и добавил: – Давайте машину на штрафплощадку и идите к начальству разбирайтесь.

¹ Государственная граница между Россией и Украиной формально была установлена в 1991 году после прекращения существования Советского Союза. – *Примеч. ред.*

Пылая праведным гневом, поднимался отец Стефан на второй этаж таможенного стеклянного корпуса, сочиняя по дороге пламенную речь, обличающую недопустимость подобного отношения к Церкви вообще и к священнику в частности. Сочинить практически успел, но главный таможенник, видимо уже предупрежденный по рации о злостном нарушении государственной границы, смиренно выложил перед оторопевшим батюшкой красную папку «Ограничений и запрещений».

– Видишь, отче, тут написано: «Алкоголь (вино, водка, коньячные изделия) – не более двух литров». Я ничего сделать не могу...

– Да как же не можете! – возмутился батюшка. – Мы же – Церковь одна, да и не алкоголь это.

– Как это не алкоголь, отец святой? Вино отродясь алкоголем было и есть.

«Помоги, Господи!» – взмолился в уме отец настоятель и тут же выдал:

– А я вам докажу... – и почти бегом ринулся к машине. Быстро достал бутылку и, развевая-разбрасывая по сторонам лапами рясы ошеломленных таможенников, взлетел к начальнику. – Вот смотрите. Количество градусов – восемнадцать, сахара восемнадцать процентов и на свет, – отец Стефан поднял бутылку к висевшей лампочке, – не просматривается.

– Ну и что? – уже с неподдельным интересом спросил главный таможенник данной местности.

– А то, – отвечал батюшка, – что если бы это было лишь вино, то была бы разница в градусах и сахаре, и лампочка бы сквозь бутылку просвечивалась.

Начальник пристально посмотрел на священника, а затем нажал кнопку селектора:

– Миш, возьми мой мотоцикл и смотайся в универсам. Купи бутылку кагора и мигом ко мне.

На другом конце селектора хмыкнули и задали вопрос:

– А закусь?

– Я те дам «закусь»! Делай, что говорю.

Минут через пятнадцать в дверях начальственного кабинета появился взлохмаченный Мишка с бутылкой кагора.

Начальник молча забрал у него бутылку и уставился на этикетку, затем поднял бутылку вверх к электрической лампочке.

Во время этих манипуляций отец Стефан шептал молитву, а Мишка, ничего не понимая, изумленно смотрел распахнутыми глазами на начальника.

– Слушай, батюшка, – обратился к священнику главный таможенник, – а ведь ты прав. Тут и свет видно, и цифры разные.

При этих словах отец Стефан выдохнул и перекрестился, у Мишки же челюсть поползла вниз, чтобы так и остаться. Священник благодарил Бога за удачную мысль, а Мишка был уверен, что поп начальника с ума совратил...

Руководитель таможни лично проводил священника к машине, поблагодарил за подаренную бутылку настоящего кагора и... открыл границу.

Выруливая с одной таможни и заруливая на другую, которая присоседилась рядышком, отец Стефан улыбался во весь рот и радостно пел песнь Амвросия Медиоланского «Тебе, Бога, хвалим...».

Как оказалось, рано пел. Родные таможенники приготовили батюшке сюрприз, о котором он до сих пор рассказывает с придыханием и только тогда, когда попросят.

Наша граница была обустроена скромнее, без двухэтажных излишеств, турникетов и телекамер. Тех, кто въезжал в страну родную, как правило, лишь окидывали взглядом и пропускали без обычной для иностранцев строгой проверки. Чем отец Стефан не угодил, непонятно до дня нынешнего, но как он думает, – слишком широко улыбался.

Таможенник приказал открыть багажник и, полностью проигнорировав два ящика с настоящим кагором, указал на пакет с сотней покрывал, столь необходимых для последнего пути батюшкиных прихожан.

– Это что?

– Покрывала.

– Почему так много?

– Так спрос большой.

Таможенник пожевал губами и четко, отделяя слово от слова, выдал следующее:

– Вы, гражданин отец священник, своим торгашеством наносите урон экономике государства, в котором живете.

Отец Стефан даже слова молитв позабыл. Он ошарашенно смотрел на местного Карацупу и не знал, что ответить.

– Вам, как работнику культа, должно быть стыдно заниматься спекуляцией, – продолжал таможенник, постепенно повышая голос, так как вокруг стали собираться прочие стражи порядка.

Отец Стефан молчал.

– Вот скажите, зачем вам в церкви столько покрывал? – вопрошал таможенник. – Каждый день банкеты устраивать?

Тут батюшкин голос и прорезался...

– Банкеты?! Да это покрывала покойников в гробу покрывать.

На таможене установилась тишина. Было слышно, как со стороны сопредельного государства летело, нарушая границу, три комара, как квакали лягушки в заграничном пруду, казалось, если еще прислушаться, то можно явственно услышать, как меняется время в разницу «один час» на рубежах родной Отчизны...

– Кого накрывать? – полушепотом спросил таможенник.

– Покойников, – громко сказал отец Стефан и, вытащив из пакета несколько изделий для усопших, предложил стражам рубежей: – Вам надо? Возьмите!

Тишина грозила взорваться чем-то страшным и непредсказуемым. Все вольно или невольно отступили от стоявшего с покрывалами в протянутой руке священника и насупленно недобро смотрели на него.

Сзади послышалось:

– Так ты что, поп, всех нас похоронить решил?

Отец Стефан ответить не успел, тут к нему быстро подошел уже немолодой офицер и тихонько, подталкивая его к машине, вполголоса затараторил:

– Батюшка, езжай с Богом! Езжай, дорогой, дай нам еще пожить немного... Езжай, Христа ради.

Отец Стефан не упирался.

Машина, чрезвычайно внимательно провожаемая несколькими парами глаз, шустро поехала в сторону родных приходов.

Когда таможенные постройки и рубежи остались за горизонтом, батюшка остановился и долго ходил по обочине, повторяя одну и ту же фразу: «Слава Богу за всё!»

Книжки же помогли. Бабушки, правда, как считали панихиду и водосвятие «главным делом», так и продолжают считать, но вот, начитавшись привезенных отцом Стефаном духовных произведений, два семейства переехали жить в заброшенную деревеньку и с Божией помощью строят настоящую типовую церковь, где уже совершается литургийное чудо.

Указ владыки

Незапланированного вызова в епархию отец Стефан ожидал. Ожидание началось с той поры, как к священническому домику, что расположился рядом с храмом, подкатил микроавтобус с разрисованными рекламой боками. Выскочившие из него ловкие молодцы быстренько приладили к священнической крыше спутниковую тарелку. Пока привинчивали, прикручивали и настраивали, у калитки появился местный знаток православных истин Сергей Иванович с недремлющей ревнительницей поселкового благочестия теткой Ганной. Они молча взирали на работников современной связи и коммуникаций и крутившегося рядом пастыря их собственных душ. Смотрели и вздыхали. Тускло смотрели и тяжело вздыхали. Да и как не вздыхать, если совсем недавно на воскресной проповеди корил отец Стефан любителей слезоточивых сериалов и поклонников кровавых боевиков, которые за телевизионным экраном икон не видят и времени на молитву не оставляют. И вот на тебе! Сам себе ящик этот бесовский устанавливает! Да не простой с пятью местными программами, а такой, который всех закордонных антихристов по спутнику принимает.

Когда батюшка, проводив мастеров, подошел к огорченному приходскому активу, у Сергея Ивановича уже сложилось разоблачительно-обвинительное заключение с необходимыми цитатами из Библии и нравственными указаниями святых отцов. Сложиться-то сложилось, но не выговорилось. То, что сообщил отец Стефан, повергло в шок не только борца за истинное православие, но и блюстительницу нравственных устоев.

– Вот, поставил антенну на спутник, буду из интернета материал для проповедей брать и с другими христианами общаться, – сообщил довольный священник.

– Из чего брать? – не поняла Ганна. – Из какого тырнета?

Сергей Иванович охнул и даже присел от неожиданности.

– Так у вас что, батюшка, и компьютер в хате стоит?

Отец Стефан, не замечая настроения своих пасомых, весь еще в мыслях об интернете, радостно подтвердил:

– Есть компьютер. Небольшой. Ноутбук. Благодетель расщедрился...

Сергей Иванович с Ганной не могли найти слов. Да и где взять слова, когда их родной священник напрямую с бесами на связь выходить хочет? Правильно старцы говорят: времена последние на дворе, все опоганились.

Махнул рукой Сергей Иванович, запричитала Ганна: «Ох, Боженька, да что же это делается-то!» И пошли они восвояси, оставив своего пастыря в полном недоумении.

На следующей службе заметил отец Стефан, что на приходе неладно. Вокруг местных ревнителей веры собрались несколько человек, разговаривающих о чем-то полупрошепотом и поглядывающих на него, отца Стефана, с тоской и осуждением. Даже во время литургии они так и стояли кучкой, как бы невидимой стеной отделяя себя и от священника, и от остальных прихожан.

Дальше – больше.

По четвергам на еженедельных молебнах в храме всегда бывалолюдно, особенно когда дождь или непогода и огородные заботы можно отложить. Акафисты с водосвятием прихожане уважают, с терпением их выстаивают и истово молятся, да и запасы воды освященной пополняют. Отец Стефан даже удивлялся сначала, куда можно употреблять такую пропасть святой воды? Но в очередной акафистный день из группы Сергея Ивановича в церковь пришел лишь сам лидер православной общественности. В руках он держал красную папку. После того как акафисты были прочитаны, а вода освящена, Сергей Иванович подошел к настоятелю и, раскрыв папку со стопочкой напечатанных листов, во всеуслышание произнес:

– Здесь, отче, новый покаянный акафист, современными старцами написанный. Против глобализации, кодов, чипов и компьютеров. Надобно отслужить...

Отец Стефан полистал странички, выхватывая глазами строки текста:

«Покайся, в мире антихристовых кодов и чипов живущий... Покайся, духовное противление вызову безбожного времени не оказавший... Покайся, заветы святых отцов отвергший... Покайся, в бесовские технологии впавший».

Об этом «покаянии с акафистом» отец Стефан уже был наслышан и даже знал, откуда оно берет свое начало, поэтому, отдавая распечатанное творчество современных «старцев», с вызовом отвечал вглядывающемуся в него Сергею Ивановичу:

– Этот «акафист» в нашем храме мы служить не будем!

– Это почему же? – тут же возмутился приходской ревнитель. – Вы, батюшка, в угоду миру не хотите заветы старцев выполнять?!

– Нет, Сергей Иванович, – скромно отвечал священник. – Не буду потому, что текст этот на компьютере набран, на нем же его выровняли и на принтере распечатали.

Сергею Ивановичу сказать было нечего. Но стало ясно, что неожиданный аргумент настоятеля к приходскому умиротворению не приведет.

Понимал это и отец Стефан, поэтому не удивился, когда на следующей неделе позвонили из епархии и сказали, что через день его очень хочет видеть владыка.

Должно заметить, что епархиальное начальство у отца Стефана было строгим, но добрым, то есть крайне благожелательным к настоятелям, однако не любившим, чтобы из прихода приходили жалобы. Есть еще одна характерная черта епархиальной жизни, которая, впрочем, присутствует практически во всех владычных канцеляриях. Раздается на приходе звонок с предложением прибыть в епархию через пару дней, а на совершенно естественный вопрос: «Что случилось?» – следует неопределенное междометие или дежурное: «Владыка зовет». Естественно, у настоятеля все эти два дня все валится из рук, так как «кто без греха?». В результате, передумав все, что возможно, и разложив по полочкам все мыслимые и немыслимые причины, священник оказывается перед архиерейскими дверями далеко не в лучшей морально-психической форме...

К счастью, отец Стефан пребывал в ранге целибата, поэтому, кроме него самого, переживать было некому. Но все же пока он дождался назначенной даты и добрался до областного центра, всякое-разное передумалось, все больше негативного свойства.

Епархия располагалась в старом купеческом особняке, недалеко от оживленного центра. Рядом город шумит, страсти бушуют, а здесь тихо, умиротворенно. Небольшой однокупольный храм над жилыми и административными зданиями, беседки в зелени, птички поют и народ весь в рясах да подрясниках с негромким разговором, вздохами и размышлениями.

Владыка находился во дворе, на лавочке в беседке. Тут и встретил отца Стефана, благословил и напротив усадил. Позвал секретаря, а тот ему услужливо подает конвертик почтовый, уже вскрытый, с выглядывающими из него листочками письма. Архиерей вынул листки, посмотрел на них внимательно и говорит:

– Ну, рассказывай, батюшка, как же ты дослужился до того, что мне на тебя телега пришла на четыре страницы.

– И что там пишут, владыка святой? – стараясь быть невозмутимым, спросил отец Стефан.

– Так это я у тебя спрашиваю! – удивился владыка. – Что ты на приходе натворил, что меня письмами мучат?

– Служу, владыка, как положено. Просфорню строим, колокол купили, с детишками занимаюсь... – Отец Стефан хотел продолжать перечислять все позитивы, но архиерей не дал.

Он смотрел в строчки пришедшего письма и продолжал строго вопрошать:

– С кем это ты там связь наладил через спутник? И какие циркуляры от врага нашего против народа православного получаешь?

Отец Стефан растерялся. Он не знал, что и, главное, как объяснять.

– Понимаете, владыка, благодетель мне компьютер подарил... – Тут батюшка поднял глаза на архиерея, и от сердца отлегло. Владыка ласково, как только он и умеет, улыбался и потечески, дружелюбно взирал на нашего целибата.

– Что, батюшечка, Сергей Иванович решил уму-разуму тебя учить?

– Да вроде того, владыка, – немного успокоившись, начал рассказывать отец Стефан. – Собрал вокруг себя шестерку единомышленников и объявил меня агентом масонов.

Архиерей рассмеялся, отложил в сторону письмо и, обратившись к секретарю, попросил:

– Принеси-ка мне последние документы из митрополии.

Секретарь принес.

Владыка достал из папки фирменный бланк с большим крестом вверху и не менее большой печатью внизу. Посмотрел на убористый текст между символами высшей церковной власти и сказал:

– Ну, давай, отче, вместе решать, как нам с тобой себя вести, чтобы Сергей Иванович и меня в масоны не записал да на приходе раскол не учинил. Здесь из митрополии бумага как раз по интернету пришла...

В очередное воскресенье в храме прихожан было намного больше, чем обычно. Помощники Сергея Ивановича во главе с теткой Ганной оповестили весь поселок, что настоятеля будут снимать или накажут примерно. Ведь нежеже православному попу в «тырнете» сидеть и беса тешить.

Литургию вместе с отцом Стефаном служил епархиальный секретарь. Именно он и зачитал по окончании обедни указ правящего архиерея. В указе говорилось:

«В то время, когда на нашу Православную веру и Церковь во всех средствах массовой информации возносятся хула, клевета и недостойные измышления, наши священнослужители и верные чада прихожане попустительно относятся к возможности достойно ответить на эти вызовы современного безбожного мира. Исходя из вышесказанного, определяю священника Стефана главой епархиальной миссии в интернете, а также редактором и администратором

епархиального сайта, где ответы на злободневные вопросы, касающиеся православия и церковной жизни, должны найти не только верующие нашей епархии, но и все православные христиане».

После службы секретарь с отцом Стефаном обедали в приходской трапезной, беседовали и наблюдали в окошко, как Сергей Иванович и тетка Ганна, размахивая руками, красочно рассказывали окружающим о том, что именно они наставили настоятеля на путь истинный:

– Сам владыка по письму нашему указ написал!..

Детективная история

Отец Стефан регулярно пребывал в детективном раздумье. Причем раздумье это приходило к нему периодически: один раз в год и всегда в начале лета. Батюшка не обладал необходимой в данном случае дедукцией, хотя томик с похождениями Шерлока Холмса во втором ряду утрамбованного книжного шкафа не пылился – любил отец Стефан иногда о знаменитом сыщике почитать, да и мисс Марпл с господином Мегрэ регулярно достаивались его внимания.

Английская и французская методы к данному раздумью никак не подходили, ибо восточно-украинская лесостепь мало имеет схожести с туманным Альбионом и Елисейскими полями. Здесь все было просто, откровенно и видимо, но вот в данном случае ответа на вопросы «почему?» и «отчего?» отец Стефан не находил.

Дело в том, что на вверенном ему приходе подвизались две неразлучные прихожанки: баба Маня, Мария по-правильному, и баба Глаша, Гликерией то есть крещеная. Всё у них дружно выходило: и молитва, и исповедь (всегда друг за другом исповедовались), и за храмом они на пару любили ухаживать – лампадки помыть, подсвечники почистить или цветник приходской облагородить. На службе они тоже рядышком у иконы Серафима Саровского молились. «Где Маша, там и Глаша», – говорили на приходе. Но вот только в июньские дни, аккурат между Пасхой и Троицей, между двумя подружками пробежала черная кошка, в которую они верить ну никак не должны, ибо вопросам суеверий настоятель посвящал почти все свои проповеди.

Они и не верили ни в кошку, ни в ведра пустые, ни в подсыпанную под порог «заговоренную» кладбищенскую землю, ни в прочие происки лукавого. Такое неверие козням «врага рода человеческого» подкрепляли у Марии и Гликерии входные кресты на косяках дверных, мелом нарисованные, да постоянно горящая лампадка на божнице. Существенную роль в крепости православного бастиона от сил нечистых играли и ветки освященной вербы, примощенные за иконами, и набор бутылей и бутылок со святой водой: богоявленской, крещенской, сретенской и преображенской. Было еще маслице от мощей святых, земелька с Гроба Господня, а также

камушки с гор почаетовских, афонских и иерусалимских. К этому необходимому набору присокуплялась толстая книжка «Щит православного христианина» с молитвами каноническими и не очень понятно откуда взявшимися, а также черные толстые, от руки написанные общие тетради с распевками «псалмов», оставшиеся со времен советского безцерковья.

Видя данный православный арсенал и потенциал, отец Стефан в очередной раз впал в недоумение, когда после второй пасхальной недели Мария и Гликерия опять, как и в прошлом и позапрошлом годах, разошлись по разным сторонам храма. Мария осталась у киота с преподобным Серафимом, а Гликерия переместилась за угол к великомученику Пантелеймену. Так стояли и молились, чтобы друг дружку даже не видеть...

«Что за оказия? – размышлял настоятель. – Может, у них какой другой духовник имеется, что каждый год заставляет между собой во дни пения Цветной Триоди не общаться? Хотя вряд ли. Они сказали бы на исповеди».

Кольнула мысль эта батюшку. Нет, не из-за ревности, из-за беспокойства.

Дело в том, что два искушения недалеко от его прихода обитало. Первое – в соседнем селе. Жил там священник бывший, за грех, повсеместно среди нашего народа распространенный, под запрет попавший. Рассказывали настоятелю, что принимает бывший батюшка людей и советы раздает. Второе же искушение практически рядом, за селом, на каменном бугре расположилось. Объявился там «монах восьми посвящений», вырубивший в скале дом-пещеру и соорудивший рядышком костел римский, часовню православную, пагоду и синагогу и по очереди в них богам многочисленным поклонявшийся. «Монах» этот приезжую городскую и областную богему окормлял, все об аскетике и воздержании рассуждал, попутно любясь двумя своими женами и детишками, от сурового аскетического «подвига» появившимися.

«Неужто туда ходят?» – гнал от себя беспокойную мысль настоятель. Гнать-то гнал, а не гналось. Решил на исповеди спросить, благо подружки-старушки всегда вместе каждый праздник причащались, а тут Вознесение через несколько дней.

Решил и спросил на всенощной накануне праздника, когда первой баба Глаша под епитрахиль батюшкину подошла:

– Что это у вас, Гликерия, с Марией за раздоры, что и не смотрите друг на дружку?

И заплакала бабушка.

– Да все она, тютяна.

– Кто? – не понял отец Стефан.

– Да шелковица, отец-батюшка-а-а, – совсем разрыдалась баба Глаша.

И ушла, сморкаясь в платочек и заливаясь слезами, от аналая исповедального. Даже молитвы разрешительной не дождалась.

В недоуменной растерянности пребывая, невидящими глазами смотрел отец Стефан на направляющуюся к нему от иконы старца Серафима бабу Машу. Когда же та подошла, крест с Евангелием поцеловала и начала излагать сокрушения и признания об осуждении, небрежной молитве, скоромной еде в день рождения внука и прочие повседневные прегрешения, батюшка неожиданно для себя спросил:

– А что там с шелковицей-то случилось?

Мария запнулась на полуслове и, теребя сморщенными заскорузлыми пальцами край выходного, только в церковь надеваемого платка, тихо выдавила из себя:

– Горе с ней, батюшка.

И заплакала...

Ситуация сложилась – врагу не пожелаешь, хотя их у батюшки отродясь не водилось, врагов этих.

Гликерия с Марией сморкались и хлюпали каждая в своем углу, а отец Стефан столпом стоял у аналая.

Теперь он вообще ничего не понимал. Он даже не знал, с какого края надо начинать мыслить. В центре недоумения была шелковица, тютюна по-местному, а вокруг нее две плачущие старушки и один ничего не понимающий поп.

Вечером, благо они уже светлые были, летние, отец Стефан решил данное недоумение кардинальным способом разрешить. Обычно по вечерам он прогуливался от церковного двора через кладбище к сельскому пруду. Как раз хватало времени неторопливо вечернее правило вычитать, концерт лягушачий послушать и о вечном подумать. Сегодня маршрут был противоположный – в другой край села, где рядышком расположились два небольших флигеля со спускающимися к речушке огородами. Именно здесь и жили столь знакомые, любимые и теперь уже таинственно непонятные Гликерия с Марией.

«Пойду-ка я в гости схожу, – подумал батюшка. – Надо же когда-то ребус этот разгадать». И пошел по балочке, по-над узенькой речкой, где как раз заканчивались огороды старушек.

По краям огородов, засеянных картошкой, тыквами и подсолнухом, в качестве разделительной изгороди росла кукуруза, а между ними шла тропинка к усадьбам. Не доходя до огурцов с помидорами, кабачками и прочей петрушкой, что всегда поближе к дому сажают, батюшка наткнулся на громадную старую шелковицу, усыпанную черными кисточками ягод. Причем ствол ее располагался на одном огороде, а большая часть веток тянулась к речке и соответственно нависала над другим огородом...

Что-то мелькнуло в мыслях отца Стефана, догадка почти осенила его, но до логического завершения он дойти не смог, так как все мысли перекрыл доносившийся с двух сторон стереофонический детский рев. Трое ревели у Гликерии и четверо – у Марии. По возрасту практически одинаковая четверка доказывала бабе Маше, что «те первые начали», а бабе Глаше вообще неразличимая друг от друга тройня вопила, что «те первые полезли».

Откуда прорезался у отца Стефана громовой голос, трудно сказать, но после его протяжного, с вибрацией и иерихонской силой «Во-о-оннем!» все замолчали и устались недоуменно на неизвестно откуда взявшегося священника.

Глядя на облупленные носы, поцарапанные животы и ободранные детские коленки, а также на засмущавшихся старушек, отец Стефан произнес поучение:

– Шелковица – дерево святое. Под таким деревом Сам Господь отдыхал и плоды его вкушал. Поэтому это дерево к церкви относится и тютюну с него рвать только по благословению священника можно. Понятно?

– Да! – почти хором ответили ребятишки.

– Вот и слава Богу. Утром проснетесь, умоеетесь, молитву прочитаете и ко мне за благословением. Кому собирать, а кому и попоститься – тем, кто с вечера бабушку не слушал или друг на друга сердился. Тоже понятно?

Головки согласно закивали, а старушки...

Старушки улыбаться начали и на праздник Вознесения уже вместе у Серафима преподобного стояли, как испокон веку повелось.

Живица

Отец Стефан прекрасно знал, что такое ладан. Более того, он даже помнил, как древние святые отцы каждение определяли: огонь кадильных углей знаменует Божественную природу Христа, сам же уголь – Его человеческую природу, а ладан – молитвы людей, приносимые Богу. Знать-то знал, да что толку, если ладана как такового в те годы начального его священства хоть с огнем, хоть без огня найти было невозможно?

Те же серо-белые гранулы, которые на епархиальном складе для приходов продавали да раздавали, дымили не положенным фимиамом, а чем-то средним между запахом железнородных шпал и прогорклым подсолнечным маслом доперестроечного урожая. Данному ладану священники даже два наименования определили: СС-1, то бишь «смерть старушкам», и СС-2 – «смерть священникам». Умельцы, конечно, находились, пытались самостоятельно сделать гранулы, приятный запах издающие, но толку было мало. Кадишь храм, а прихожане шепчутся, что сегодня «фимиам» ну точно как одеколон «Шипр» пахнет или лосьоном «Ландыш» отдает. Какое уж тут «благоухание духовное»?

Как-то привезли нашему настоятелю коробочку достойного, молитвой пахнущего ладана афонского, так отец Стефан им только по праздникам большим пользовался, да и то по грануле одной за всю службу на уголь кадильный клал.

Уголь, правда, тоже самодельный был. Осенью староста приходской пару мешков кочержек кукурузных в котельную принесет, в печи их обожжет, вот тебе и кадильное топливо. Но уголь не ладан, проблемы не решает. А кадить-то чем-то надо. Да и троицкие праздники приближались.

Решил настоятель разобраться, откуда этот ладан берется, где производится. Не может же быть такого, чтобы на родных просторах, где для всех и вся заменители находятся, не было бы чего-то подобного. У нас, конечно, не Аравия и Восточная Африка, где данный продукт произрастает, но если земля наша даже «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» рождать умудряется, то что-то подобное ладанному дереву обязательно должно быть.

Первое, что на ум пришло, – вишня. Вспомнил отец Стефан, как в детстве они с вишен смолу отколупывали и благополучно ее ели. Вишни прямо в приходском дворе были, так что эксперимент не заставил себя долго ждать. Отковырнул несколько кусочков смолы священник, да на раскрасневшуюся печку в сторожке немножко бросил. Задымилась смола, но запах слабенький, на метр отойдешь – и ничего не слышно. Пришлось остальной клей (так в детстве они вишневую смолу называли) по старой привычке съесть.

За манипуляциями отца настоятеля староста со стороны наблюдал. Молча. Но когда от сгорающей на плите смолы уже черный дым потянулся и жженым запахло, подошел, тряпкой золу смахнул и выдал:

– Живица нужна!

– Кто? – не понял отец Стефан.

– Живица, – повторил староста. – С сосны или елки смола. Она хорошо пахнет.

«Действительно, – подумал отец Стефан, – еще только подъезжаешь к сосновому лесу – и уже запах слышно. Вот только нет рядом леса хвойного...»

Староста помог:

– Ты, батюшка, в город езжай, там в парке у реки сосен да елок много. И отдохнешь от нас, и к празднику кадить будет чем.

На следующий день, после обеда, отец Стефан надел спортивный костюм, кроссовки и взял увезенный из советской армии штык-нож. Завел свой выдавший виды жигуленок и отправился в город, в двадцати пяти километрах от его прихода располагавшийся. Каждый новый десяток километров пути машина настоятеля ломалась, а уже перед самым въездом в объятия цивилизации батюшка умудрился пробить заднее колесо.

Пока менял да качал камеру, день потихоньку подошел к вечеру и к большому городскому парку, на берегу Донца находящемуся, отец Стефан приехал, когда начало смеркаться. Естественно, у уже уставшего священника после столь «дальнего» маршрута с автодорожными приключениями вид был немного босяцкий: спортивный костюм в пятнах, кроссовки грязные, борода, хоть и небольшая, всклокочена. Неординарный вид пастыря овец православных дополняли раздраженное голодное лицо и лохматые длинные волосы.

Машину батюшка оставил у въезда в парк, достал свой внушительный нож и быстрым шагом направился к соснам и елкам, чтобы успеть до темноты смолы наковырять. Зря он торопился. Да и то плохо было, что не заметил батюшка, как влюбленную парочку со скамейки парковой словно ветром сдуло, когда они запыленного косматого верзилу с ножом увидели...

Минут двадцать ковырял отец Стефан стволы и ветки хвойные, смолу с них добывая и в пакетик целлофановый складывая, пока не услышал оклик:

– Молодой человек, вы что тут делаете?

Обернулся батюшка. В отдалении, там, где света от заходящего солнца было больше, стояли два милиционера. Стояли, пока батюшка всей статью к ним не повернулся.

Вздрогнули и замельтешили стражи порядка, увидев пред собой лохматого верзилу с огромным ножом. Один дубинку сразу же выхватил и перед собою выставил, а второй рвал с пояса рацию, дабы помощь вызвать... Да и как не вызывать, если уже и до отца Стефана дошло, что с таким ножом его как минимум за преступника принимают. Чтобы объясниться, батюшка сделал шаг навстречу представителям силовых структур. Те отпрянули, но, видимо, решили сражаться до победного конца.

– Брось нож! – крикнул тот, что с дубинкой.

– Стоять! – срывающимся криком приказал второй, так и не сумев отцепить рацию.

Настоятель двух приходов понял, что сейчас он может оказаться в наручниках, а затем и в камере. Такого расклада никак допускать было нельзя, так как бумажка из милиции на архиерейском столе в епархии была бы четким приговором.

– Братцы, – затараторил виноватым голосом отец Стефан, – да священник же я. Смолы хвойной для службы нарезать приехал.

– Поп? – недоверчиво спросил страж порядка с дубинкой.

– Поп, поп! – заверил священник.

– Точно батюшка, – вглядевшись, сказал милиционер с неотцепляющейся рацией. – Я его на крестном ходу видел.

Отец Стефан облегченно вздохнул, а милиционеры пока еще осторожно поближе подошли.

– И зачем тебе живица, отец поп? – все еще недоверчиво спросил первый страж.

– Как зачем? – ответил отец Стефан. – Вместо ладана будет.

– А, для работы, значит... – уже успокоившись, резюмировал тот, который с рацией, и добавил: – Ты бы, батюшка, поостерегся с таким ножом и в таком виде по лесу шастать, нам ведь уже двое позвонили, что здесь в парке маньяк с тесаком ходит.

– Виноват, братцы, уж простите! Не подумал, – только и повторял отец Стефан.

Довели милиционеры священника до машины и для порядка документы проверили, а потом в отдел свой позвонили и долго объясняли, что попа в парке поймали, а он хоть и с ножом, но человек понятливый, скромный и даже в чем-то добрый.

Когда прощались, милиционер с дубинкой отцу Стефану сто купонов протянул:

– Ты это, отец, не сердись и о нас помолись, только ножичек этот подальше убери.

А живица неплохим ладаном оказалась, правда, батюшка, когда ее растопил, ванилина все же добавил. Для благоухания.

Прогрессивный батюшка

Отношение к телевизору у отца Стефана безразлично-деловое. Он у него на полу стоит и в качестве подставки для вороха бумаг используется, так как книжный шкаф с письменным столом уже давно заполнены книжками, брошюрами и прочей полиграфией, а с появлением принтера – кипой распечаток всяческих.

То, что надобно побыстрее прочитать, складывается на телевизоре, а так как время имеет свойство с каждым годом ускоряться, а личные силы уменьшаться, стопа над электронным аппаратом растет все выше и периодически падает. Падение бумаг с телевизора заставляет отца Стефана их разобрать и в процессе сортировки на «надо» – «не надо» данную электронную подставку включить; может быть, в мире что стряслось, из-за чего бумаги попадали.

Свою основную функцию телевизор все же иногда выполняет. Обычно это происходит в трех случаях. Первое условие его включения – какое-нибудь экстраординарное событие в любимом государстве. Второе – когда кто-то из коллег-священников позвонит и о хорошей программе или передаче предупредит. Ну и третья причина включения, о чем отец Стефан распространяться не любит, – это футбольные матчи команды, к которой когда-то он сам в качестве голкипера приписан был, или игра сборной. Но команда, в которой батюшка ворота защищал, в последние годы все норовит из высшей лиги вылететь, а сборная играет так, что и смотреть не хочется, поэтому о данной страсти отец Стефан уже и духовнику не докладывает...

Так что можно сказать, что телевизор у отца Стефана в сугубом аскетизме пребывает, что, естественно, очень даже поддерживается приходской группой радетелей за чистоту священнических и православных рядов, возглавляемой неусыпным Сергеем Ивановичем.

Сергей Иванович – фигура на приходе известная по причине постоянной и неустанной борьбы с кодами, чипами, ИНН и прочими технологиями современности, которые, по словам самого борца, есть предтечи грядущего на днях антихриста. Боролся Сергей Иванович и с компьютерным засильем, но как только узнал, что богослужебные книги на них верстаются и что по электронной почте письма с протестами и воззваниями до властей и священноначалия быстрее

доходят, смирился, хотя и относился к этому «бесовскому порождению» с опаской и недоверием.

Отец Стефан приходской мир и согласие всемерно поддерживал, ненавязчиво примеры и контраргументы убедительные приводил, но иногда и власть священническую проявлял, когда борцы слишком воинственно настроены были и очередную разоблачительную акцию разрабатывали.

Звонок из епархии всегда тревогу вызывает, особенно для священников приходов дальних, куда епархиальное начальство заглядывает и обращается редко по причине сложности привлечения их настоятелей к многочисленным общественным мероприятиям в областном центре. Добираться трудно, да и неизвестно, как эти «дальние» себя поведут, оказавшись перед телекамерами и микрофонами, да еще рядом с представителями властей предрежащих. От греха подальше епархия обходилась своим контингентом проверенных священников.

Отца Стефана тоже обычно не трогали. Да вот искушение – прославился батюшка в интернете: блог ведет, в форумах участвует, сайт приходской завел, писем в ящике электронном столько, что отвечать не успевает. Изначально в епархии с усмешкой к этому относились, мол, нечего на приходах дальних попу делать, вот он в интернетах и обретается, но со временем иронию пришлось поубавить. Да и как не убавить, если самого епархиального архиерея в митрополии на очередном совещании похвалили, что он такого активного миссионера взрастил? Поэтому, когда с телевидения позвонили и попросили прислать священника на передачу, современным технологиям посвященную, епархиальное начальство решило все же вызвать отца Стефана, а не дежурного, увенчанного всеми регалиями и званиями областного протоиерея под телекамеры отправлять.

Хмурый отец Стефан возился с лысыми колесами своей выдавшей все виды последних трех десятилетий машины, раз за разом повторяя страшные определения собственного настроения, а именно: «искушение», «юрродство» и «наваждение бесовское». За этим сердитым делом со стороны наблюдал Сергей Иванович и, в конце концов поняв, что настоятель самостоятельно резину на колесах не поменяет, решил ему помочь и заодно толком узнать, куда это его пастырь засобирался.

– В епархию еду рано утром, – сообщил отец Стефан и добавил: – В телепрограмме буду участвовать.

У церковного правдолюбца выпала из рук монтировка, которой он помогал священнику шины на место устанавливать, и он на миг даже дара речи лишился. По мере обретения способности мыслить и говорить выражение лица Сергея Ивановича менялось от недоуменного, затем расстроенного до окончательно несогласного.

– Бесу служить едете, – сделал он окончательный вывод и, не прощаясь, пошел к приходским воротам, вслух рассуждая о временах последних, апостасийных².

В телестудии собрался цвет областного интернета. Асы блогов и завсегдатаи социальных сетей, мастера сайтов и вездесущие журналисты. Среди этих довольно молодых, пестро-разнообразно одетых участников программы отец Стефан был белой вороной в черной рясе. На него удивленно смотрели, пожимали плечами и пытались понять, что данный архаичный тип будет делать среди самых продвинутых и современных?

² Апостасия (греч. αλοοτασία – отступничество, измена, отпадение) – вероотступничество, измена христианской вере и отпадение от нее. – *Примеч. ред.*

Большинство, естественно, решило, что священника пригласили по причине моды последних дней – везде их приглашать и что этот поп обязательно будет рассказывать им о Боге, вразумлять о грехах, учить нравственности и звать в церковь. Иного объяснения не находилось.

Включились софиты, телекамеры хищно нацелились на звезд областного интернета. Молоденькая ведущая непрестанно тараторила и старалась не смотреть на сидевшего с краю священника, так как ей было неловко за свое платье, больше напоминающее купальник. Операторы выискивали лучшие ракурсы, но почему-то им все время хотелось показать неожиданного для них гостя с блестящим наперсным крестом.

Отец Стефан слушал внимательно, но глаз от лежащего пред ним листа бумаги с тремя пунктами тезисов своего грядущего телеслова не поднимал. Он бы так молча и просидел до конца передачи, но ведущая регламент телешоу соблюдала четко. Заглянув для верности в свой плоский блокнотик и одернув из скромности то, что нужно называть платьем, все же направилась к батюшке и зачитала заранее приготовленный вопрос:

– Скажите, святой отец, вы тоже пользуетесь интернетом?

Отец Стефан поднял взгляд, перекрестился и абсолютно уверенным, неожиданно даже для себя спокойным голосом ответил:

– До святости мне далековато, так не принято к священнику обращаться, а вот во всемирную сеть захожу регулярно, даже можно сказать, работаю там...

– И что это вы там делаете? – ироничным тоном спросили с противоположной стороны студии. – Проповеди читаете?

– Проповеди, молодой человек, с амвона церковного возглашают, а в интернете я на вопросы отвечаю, сайт приходской да блог веду, форум модеррую...

Пока отец Стефан свои заботы в интернете перечислял, атмосфера в студии переменилась. Рты не раскрылись, но явное удивление, переходящее в неявное потрясение, было в полном наличии. Когда же священник сообщил, что его дневник на очень популярном ресурсе читают около двух тысяч интернет-друзей, центр всей передачи переместился на отца Стефана. Да и как иначе, если у самого «продвинутого» аса-блогера областного масштаба читателей было в два раза меньше?

Рассуждения о преимуществах браузеров, медийной активности, фандрайзинге³ и общественно-социальных проектах были напрочь забыты. Отца Стефана атаковали ворохом вопросов. Он спокойно отвечал, объяснял, возражал, но когда спросили: «А что, вам позволительно компьютер иметь и в интернет заходить?» – эмоции сдержать не смог.

– Да что же за искушение такое! – с пылом ответил батюшка. – Вы на нас как на ходячий анахронизм смотрите, консерваторами замшелыми нарекаете, а сами-то в эпохе динозавров находитесь! Мой Сергей Иванович и тот прогрессивней будет...

Кто такой Сергей Иванович, блогеры не знали, а за динозавров немного обиделись.

На следующий день отец Стефан рано утром включил компьютер и обнаружил у себя в интернет-друзьях всех тех, кто участвовал в передаче, а потом пришел Сергей Иванович. Взял благословение, о делах приходских рассказал и, уже уходя, добавил:

– А хорошо вы, батюшка, в телевизоре-то говорили. Прогрессивно.

³ Фандрайзинг (англ. fundraising) – процесс привлечения ресурсов, необходимых для реализации какой-либо задачи, осуществления определенного проекта или своей деятельности в целом. – *Примеч. ред.*

Запечатал

С утра день не задался. Солнышко, весело светившее, пока отец Стефан читал утренние молитвы, скоро затянулось насупленными тучами. Заморосил мелкий дождик, обещая не прекращаться весь день. Плюс ко всему к паперти храма опять подбросили двух котят, решив, что в церкви найдут им поселение.

Староста, планировавший сегодня вместе с отцом настоятелем заделать перед зимой заморской строительной пеной прохудившуюся крышу, бурчал что-то насчет грехов, которые испортили погоду, и бесцельно-хмуро ходил по приходскому двору. На крышу при такой погоде лезть было никак невозможно, да и пена эта заморская требовала сухого применения.

Батюшка напоил пищавших котят молоком и решил съездить в район, к благочинному. Налог епархиальный заплатить, отчет по воскресной школе отдать, да новости церковные последние разузнать.

В автобусе по причине дождя и будничного дня пассажиров было мало, и он быстро добежал до города. Водитель притормозил и высадил отца Стефана аккуратно напротив ворот городского храма. У колокольни стояла машина отца благочинного, что немного ободрило нашего батюшку, так как обычно застать на месте главу районных церквей было непросто. Он был всегда занят, потому что постоянно что-то строил.

Со спешившим на очередную стройку благочинным быстро и благополучно разрешили проблему с епархиальным взносом, но оказалось, что надобно еще пару отчетов составить.

– Батюшка, вы же не торопитесь, может быть, пару часов подежурите в храме? – попросил благочинный. – Нам к собору новому бетон привезти должны, надо бы присмотреть, а тут никого нет. Один священник приболел, а второй соборовать да причащать уехал, а это надолго.

Отцу Стефану предложение даже понравилось. Во-первых, доверяют, а во-вторых, ждать на автовокзале долгих три часа следующего рейса автобуса ему никак не хотелось.

– Конечно, отче, подежурю, как раз и бланки эти отчетные до ума доведу.

Уже садясь в машину, благочинный вспомнил:

– Да, отче, тут из ДАИ⁴ звонили, просили заочно отпеть кого-то. Если приедут, вы, пожалуйста, отслужите.

Отец Стефан заверил, что все сделает, как положено.

Из-за хмурой погоды, непрекращающегося дождя, регулярных областных требований, реформирований и смен руководителей после очередных выборов настроение у начальника ДАИ майора Фесенко было отвратительным. Плюс ко всему накануне два его подчиненных, арестовав у пьяного водителя машину, не поставили ее на стоянку, а уехали на ней на дежурство. На беду, нарушитель оказался сыном «крутого» начальника, наобещавшего майору массу бед и неприятностей.

Утром, после развода, майор вызвал к себе двух проштрафившихся милиционеров и потребовал писать объяснительные, где изложить все факты случившегося. На грозные указания подчиненные никак не реагировали, прощения не просили, да и смотрели на начальника не с подобострастием и сокрушением, а, как показалось майору, с ухмылкой.

– Не утрясете за полдня ситуацию, подам документы на разжалование, – закончил в сердцах майор.

Время было обеденное, «крутой» начальник уже дважды звонил с требованиями объяснений, а сказать майору было нечего.

Отец Стефан листал книжки в церковной лавке, когда на приходской двор заехала темная Audi, из которой вышли два упитанных офицера милиции в форме ДАИ.

– Святой отец, – обратился один из приехавших к отцу Стефану, – нам тут запечатать покойника надо.

– Не запечатать, а отпеть, – поправил священник и хотел еще добавить замечание насчет неприятого в православии обращения «святой отец», да воздержался. Сколько ни говори, все едино на католический манер переправят. – А где свидетельство о смерти? – спросил отец Стефан, раскладывая на панихидном столике Евангелие, крест и Требник.

– Ох, батюшка, забыли мы его. Вот земельку с могилки привезли, а свидетельство забыли. Да и благочинный ваш все знает. Мы с ним договаривались.

– Договорились так договорились, – сказал отец Стефан и возгласил: – Благословен Бог наш, всегда ныне и присно и во веки веков.

Подошла певчая. Голос ее умело вторил священнику. Милиционеры истово крестились, правда, один из них все путал правое плечо с левым. Кадило благоухало иерусалимским благочинническим ладаном. Служба шла торжественно, чинно и молитвенно.

По окончании богослужения окропил батюшка водой святой земельку с кладбища, возгласил «Вечную память» новопреставленному Николаю и обратился к пришедшим стражам наших дорог с пламенным, но кратким наставлением о том, что надобно всемерно молиться об усопшем, дорожить памятью о нем, и тогда в будущем веке Господь дарует новую встречу с дорогим человеком.

– Дорог он нам, святой отец, очень мы его любили, – сказал старший из офицеров, усиленно вытирая рукой глаза.

– Да, батюшка, может, и встретимся скоро, – добавил второй, опустив голову.

⁴ Державная автоинспекция, аналог ГИБДД на Украине. – *Примеч. ред.*

Это «скоро» было сказано с таким тихим придыханием, что отец Стефан тоже расчувствовался, и песня ему вспомнилась милиционерская: «Наша служба и опасна, и трудна...».

Проводил батюшка до машины офицеров, благословил их на дорожку и распрощался. Вскоре и благочинный материализовался, отца Стефана поблагодарил и домой отпустил.

Перед майором Фесенко с нераскаявшимися лицами предстояли два его собственных сотрудника, которые, откровенно ухмыляясь, выслушивали начальственный крик:

– Где вас носит?! Где объяснительные? Почему до сих пор с извинениями не съездили? Погон лишиться хотите?

– Да вы не орите на нас, товарищ майор, и угрожать не надо, – отвечал один из обвиняемых.

А второй тут же добавил:

– И разжаловать нас не получится. Вам от силы всего дня три жить осталось.

Глаза майора в неестественно распахнутом виде выровнялись на уровне лба.

– Это как понимать? – взревел начальник.

– Да очень просто, товарищ майор. Отпели мы вас в храме нашем Ильинском. Вот и земельку запечатали.

На стол начальника ДАИ был выложен мешочек с землей. И пока майор Фесенко обретал дар речи, один из стражей дорожной службы завершил:

– Это сколько же можно терпеть ваши издевательства?..

Отец благочинный, уставший от забот и обязанностей, к концу дня наконец-то первый раз за день поел и решил полчасика передохнуть.

Не получилось.

Ревя мотором, к приходскому домику отца благочинного подкатил громадный джип Mitsubishi, в просторечии – «гардероб». Из «гардероба» вылез крайне упитанный милиционер в майорских погонах и с узелком (земли) в руках.

– Где тут ваш самый главный поп? – громогласно спросил страж местных дорог и улиц.

Майора Фесенко сопроводили к отцу благочинному, на которого и был обрушен весь поток профессиональных и не очень слов и предложений, смысл которых был краток:

– Ты зачем, такой-сякой, меня на кладбище отправил?!

Благочинный все понял. Винить некого. Сам виноват. Было ясно и то, что рассвирепевший майор никаких объяснений о суевериях не примет и ссылки на языческие традиции отвергнет. Выход был только один.

Виновато и смиренно выслушивая грозные причитания милиционера, отец благочинный взял его под руку и повел в храм, приговаривая:

– Вот же искушение какое! Да как же так...

Торжественно поставил гневного, но испуганного стража местных дорог у центрального аналоя, облачился и начал служить молебен о здравии раба Божия Николая.

В конце молебна благочинный высыпал земельку из узелка в горшочки с цветами, стоящие на храмовых подоконниках, а затем громогласно пропел «Многая лета», усердно окропил майора святой водой и убедительно заверил, что жить он будет.

«Это, братцы, не беда, а чередá смирения»

Поселок городского типа, где отец Стефан настоятельствовал вот уже десятый год, по утрам покрывался сверкающим инеем арктического мороза, третью неделю испытывающего как местных прихожан, так и захожан вкупе с атеистами. Старики, кряхтя, вспоминали 50-е годы, когда, по их мнению, были такие зимы, что птицы от холода падали, а молодежь, рожденная во времена развитого социализма, сочиняла петиции в международные организации с просьбой отправить к ним на постоянное место жительства тех ученых, которые в последнее десятилетие предсказывали глобальное потепление.

Настоятель прекрасно понимал, что заготовленного на зиму угля катастрофически не хватает, поэтому практически ежедневно обивал пороги начальственных кабинетов на двух соседних шахтах. Главных аргументов отца Стефана в этих просительных переговорах было два. Первый – практический: «мы о вас, шахтерах, молимся, а вы нас заморозить хотите», а второй – мистический: «у нас в церкви знаменитый Шубин обитает, и если вы нам угля не дадите, мы ему об этом скажем».

Легенду о Шубине знают все горняки. Однажды в шахте проходчики под обвал попали. Горный мастер Шубин спустился их спасать, но не спас никого и себя погубил. С тех пор по штрекам ходит его дух. Он кашляет по-стариковски, у него ярко горящие глаза и волосатые ноги. Шубин любит шутить: пугает шахтеров, внезапно разразившись во тьме смехом, или хватается за ногу. Обитает он в дальних или в давно заброшенных выработках. Шубин – настоящий хозяин шахты. Он отличается добротой, щедростью и в то же время чрезвычайной раздражительностью, злобностью. Любит честных тружеников, но жесток и мстителен по отношению к наглым людям, особенно к угнетателям шахтеров. Помогает попавшим под завалы, но может под землей и сбивать людей с дороги.

Хоть и знал отец Стефан, что Шубин – особь от лукавого и поминать его не надо было бы, да из-за горестного предположения, что воду отопления церковного придется слить и храм до тепла прикрыть, пришлось ему данное суеверие вспомнить.

К священнику прислушивались, но с углем не торопились по причине того, что раньше уголек был государственный, и тонн десять батюшке не составляло труда отсыпать, а теперь за черным золотом акционер присматривает и не то что тонну, ведра дать затруднительно.

Пребывая в горестном раздумье, после молебна с искренней просьбой «Помоги, Господи!» подался отец Стефан в угольник приходской прикинуть, сколько топлива осталось. Мало осталось. Почти ничего. Дней на пять-шесть, не больше.

Кочегара церковной котельной батюшка еще на прошлой неделе рассчитал. Да тот и сам порывался уйти: мол, я топить должен, а не огонь поддерживать. Теперь за котлом, чтобы не потух, они вдвоем со сторожем следили.

Грустно разделил священник на «дневные порции» оставшееся черное золото и собрался уже уходить, как услышал странный хруст снега. Валенки и теплые сапоги прихожан так не хрустели; зверья, кроме приходского пса, не казавшего носа из будки по причине мороза, на территории отродясь не водилось, поэтому батюшка обернулся навстречу звуку в тревожном недоумении.

Обернулся и чуть не вскрикнул.

Пред отцом Стефаном стоял человек, повыше его ростом, голову и туловище которого покрывало байковое одеяло, придерживаемое впереди огромными красными руками. Ниже одеяла шли штаны, заканчивающиеся такими же огромными красными босыми ногами. Батюшка и сам был не маленький, но сейчас он почувствовал себя лилипутом пред лицом новоявленного Гулливера.

– Отец святой, – обратился Гулливер, – мне сказали, у вас тут кочегар уволился. Поставь меня на эту должность. Порядок будет.

Батюшка сначала даже не понял, о чем его просят, так экзотичен был вид невесты откуда взявшегося великана на босу ногу при тридцатиградусном морозе. Потом уразумел, с мыслями собрался и с горечью ответил:

– Взял бы. Топить есть чего, только вот нечем, – и горестно махнул рукой в сторону пустого угольного сарая.

– Найдем, чем топить, – без промедления ответил Гулливер и добавил, вернее, пропел на какой-то странный мотив: – Это, братцы, не беда, а черед смирения.

«Да он еще и блаженный, – подумал священник. – Юродивых мне только для полноты не хватало!» Подумать-то подумал, но решил Гулливера не гнать. Замерзнет ведь человек. Босой и в одном одеяле.

Пригласил незнакомца в сторожку, у плиты усадил, чая ему горячего налил, а сам в кладовку пошел, там у отца Стефана много всякой одежды хранилось. Родственники умерших от незнания, куда обувь и одежду почивших девать, в церковь ее приносили, так что выбор богатый был. Нашел батюшка громадные войлочные ботинки и пальто размера богатырского. Обрадовался, что нашел и христианское правило «одеть и обусть» выполнил, осталось только накормить.

Рано радовался. Незнакомец пальто с благодарностью принял, так как под одеялом у него оказалась только простая тонкая рубашка, да крест старообрядческой формы на гайтане в палец толщиной, а ботинки своими громадными ногами в сторону отодвинул.

– Я, отец священник, босиком всегда. Обет мой такой и правило такое, – и тут же спросил: – Ну что, возьмешь в кочегары?

Батюшка колебался. Всякое в голову лезло: «Уж не последователь ли Порфирия Иванова? А может, из больницы для сумасшедших сбежал? Или из милиции, а то и из тюрьмы?»

В ответ на эти мысленные сомнения Гулливер достал из штанов полиэтиленовый кулек, размотал его и положил на стол перед отцом Стефаном паспорт. Затем встал, перекрестился на иконы трижды, сказал «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного» и степенно уселся напротив священника.

– Андрей, – священник прочитал в паспорте имя пришедшего, – да я не против кочегара и жить у нас можно. Тут ведь вся печаль в том, что уголь у нас заканчивается, топить нечем. Прихожане вон из своих домов по ведру таскают.

Андрей смотрел на священника с печалью и сокрушением, на каждое слово говорил «да, да, да», а потом опять повторил непонятное:

– Это, братцы, не беда, а черед смирения...

«Пусть живет», – решил отец Стефан. Показал новому жильцу и работнику, где инструмент, продукты и посуда находятся, рассказал, чем приходского Шарика кормить, и пошел собираться на шахту ехать. Уголь просить.

На следующий день родительская суббота была. Заупокойные службы прихожане любят, в храм много людей пришло, так что холодно не было, хотя трубы чуть теплые.

После панихиды отец настоятель попросил прихожан еще уголька пожертвовать, на завтрашний день воскресный, а там, глядишь, и привезут обещанный. Прихожане сочувственно головами кивали, но больше на нового большого и босого сомолитвенника смотрели. Андрей молча, справа, у иконы преподобного Серафима возвышался. Крестился да вздыхал.

– И откуда пришел этот страхолюдный? – спрашивали у батюшки, а тому и ответить-то нечего было; кроме паспортных данных он о своем кочегаре и не знал ничего.

Не расходились прихожанки долго, с крыльца смотрели, как Андрей босиком дрова на улице рубил, Шарика кормил, затем воду из колодца набирал. И еще бы стояли, перешептывались, да мороз сильный по домам разогнал. Единственное, что сообща верующие бабоньки решили, что этот юродивый одно из двух: или прозорливый, или урка какой-нибудь. Других вариантов у них не придумывалось.

В воскресное утро отец Стефан, еще когда только двери церковные открывал, что-то непонятное почувствовал. И точно, из распахнутых дверей на батюшку дохнуло уютным теплом, о котором прихожане после Рождества уже забыть успели. Трубы отопления были горячими, а на храмовых окнах даже прогалины появились. Настоятель бросился к угольнику с одной только мыслью: «Всё, последний уголь спалил, Гулливер несчастный!»

Зря грех на душу батюшка взял. В угольном сарае лежали все те же распределенные по дням «порции» топлива. «Может, принес угля кто?» – подумал священник, но в котельной было чисто, подметено и жертвенного топлива не обреталось. На вопрос настоятеля «Чем топил?» Андрей лишь хмыкнул, что-то пробурчал невнятно и в храм пошел.

Люди постепенно наполняли храм. Некоторые из них в санках уголек привезли, чтобы церковь протопить, и теперь недоумевали:

– Или отец Стефан за ночь где угля выпросил?

На следующий день в храме опять было тепло, в угольнике все на месте, а в кочегарке прибрано. Андрей, не говоря ни слова и ничего не спрашивая, справлялся с нехитрыми обязанностями сторожа, да по двору ходил, шепча что-то непонятное.

Разное за время священнического служения у отца Стефана случалось, но чтобы с приходом этого неизвестно откуда взявшегося человека в храме вдруг само по себе тепло появилось, такому действию объяснения в голове у настоятеля никак не находилось.

Через три дня отец Стефан не выдержал. Решил ночью в храм прийти, задачку с теплом церковным разгадать. Хоть и верил он в чудеса, но чтобы они каждую ночь повторялись, такого быть не могло.

Ночь лунная была. Мороз крепкий. Деревья потрескивали. Церковный двор пуст. На сторожке висел замок, котельная тоже заперта, и, самое главное, не было приходского Шарика. Собаку ночью отвязывали, но чтобы она куда-то с церковного двора уходила, да еще по такой службе, подобного отродясь не случалось.

Отец Стефан обошел двор и около небольшой задней калитки увидел в свете полной луны ведущие в сторону кладбища следы санных полозьев, громадных человеческих ног и собачьих лап.

«Опять я в детектив какой-то попал», – решил отец Стефан. Перекрестился и пошел по четко видимым ориентирам.

За кладбищем следы сворачивали влево, к лесопосадке, а за ней маршрут резко уходил вправо, к балке с промерзшим насквозь прудом.

Здесь-то чудо и стало обыкновенной реальностью. На крутом склоне, спускавшемся к водоему, под лунным светом размахивал громадной киркой великан и рубил уголек, пласт которого испокон века выходил здесь из глубины земной. Сухое лето воду сильно в пруду убило, а суровая зима ее заморозила, вот и вышел уголек на поверхность.

Рядом с великаном находились громадный пес и большая телега. Лишь подойдя поближе, отец Стефан понял, что это полнолуние превратило Андрея в исполина, приходского Шарика в фантастическую собаку, а небольшие сани во внушительную повозку.

С первым теплом засобирался Андрей. На вопрос настоятеля «Куда идешь?» махнул рукой в сторону дороги и благословения попросил. Его все прихожане провожали, а некоторые, по секрету скажу, даже у Андрея благословения просили. Тот же мелко их щепотью крестил да раз за разом повторял: «Это, братцы, не беда, а черед смирения».

Экзамен с псевдонимом

Отца Стефана вызвали в епархию, и сам митрополит вручил ему направление на учебу в духовную академию. Выдавая бумагу с большой печатью, увенчанную крестом и заканчивающуюся размашистой, на весь низ страницы архиерейской подписью, владыка лишь добавил:

– Быстро собрать документы и чтобы завтра был в поезде.

Возражения о том, что колокольня не достроена, художник сбежал вместе с авансом, а Сергей Иванович продолжает создавать приходскую оппозицию, во внимание не принимались.

– Не выдумывай, – отрезал любимый владыка и, сменив строгий самодержавный взгляд на более знакомую и привычную улыбку, заключил: – Это же надо, пресс-центр епархиальный возглавляет, все про всех знает, а в академии учиться не желает... Всё. Разговор окончен. – И, размашисто перекрестив удрученного настоятеля, владыка выпроводил его из кабинета.

На следующий день хмурый отец Стефан возлежал на второй полке купейного вагона и пытался уснуть под равномерный перестук колес скорого поезда.

Не удавалось. Сначала все мысли не выходили за пределы собственного прихода. Затем ниже расположившиеся попутчики упорно приглашали разделить с ними трапезу и поговорить о Боге, Который у них есть в душе. Батюшка ласково, но наотрез отказался, за что и был наказан слушанием двухчасовой беседы о современном состоянии Церкви и моральном облике разъезжающих на мерседесах попов. Наконец, допив последние сто грамм, соседи уgomонились и захрапели. Именно под этот храп отец Стефан с ужасом сообразил, что для поступления в академию надобно вообще-то экзамены сдать. Причем поступить надо без сомнений и строго обязательно. Иного варианта просто не существует. Представить себе недоумение архиерея и его стандартную характеристику, в подобных случаях всегда заканчивающуюся разочарованным взмахом руки и определением «пенек», отец Стефан еще мог, но вот реакция на приходе при подобном плачевном развитии событий будет куда страшнее.

Дело в том, что местный сельский богослов и ревнитель благочестия Сергей Иванович, которому когда-то пророчили священнический сан и настоятельство, чего он так и не удостоился по прозаической, но канонической причине первого и второго неудачного опыта семейной жизни, всегда подчеркивал, что отец Стефан к последним временам относится наплева- тельски, всеобщей апостасии не видит и святых отцов не знает.

Остаться в ранге провалившегося абитуриента отцу Стефану никак нельзя, ибо это ста- нет главным аргументом Сергея Ивановича в их постоянном приходском богословском диа- логе, свидетелями которого, а часто и участниками, были все прихожане, включая девяносто- летнюю, плохо видевшую и практически ничего не слышавшую бабу Марфу.

Семинарию батюшка окончил давненько, да и последний год заочно учился, так что мно- гое уже подзабыл. Хотя и говорят, что у священника celibата времени «воз с прицепом», но за приходской стройкой, воскресной школой, хозяйственными заботами и постоянными епар- хиальными заданиями книжки по догматике вкупе с нетленками святых отцов открывались крайне редко. Правда, пару лет назад наладил себе отец Стефан интернет, но там у православ- ных все больше новости обсуждают, да споры спорят, кто благодатней и спасительней.

Часам к двум ночи батюшка сообразил, что он ничего не знает, как сдавать экзамены, не понимает, и вообще, что он не только «попал», но и, по всей видимости, «пропал». В голове крутились Миланский эдикт, Непорочное Зачатие, апокатастасис⁵ и владычное определение «пенек». Более умных мыслей не возникало.

Документы в заочном секторе приняли быстро, хотя и посетовали, что можно было бы и раньше их принести, а не в последний день перед экзаменами. На вопрос отца Сте- фана, по каким предметам экзаменовать будут, последовал быстрый ответ: «По всем. Готовь- тесь, батюшка. На первый курс только пятьдесят душ примем, а вы уже семьдесят шестой по счету...»

Этот «семьдесят шестой» окончательно расстроил новоявленного абитуриента, и, пре- бывая в состоянии полного пессимизма и уныния, отправился отец Стефан искать место, где главу преклонить в последнюю ночь перед неожиданным испытанием.

Место нашлось в священнической гостинице, где в каждом номере выстроились в два ряда десять коек, разделенных тумбочками и столом с электрочайником. Батюшке показалось, что он бывал здесь раньше. По давней привычке, начал отыскивать тумбу с дневальным, но на положенном ей месте увидел киот с иконами, аналой с епитрахилью и понял, что это не знакомый кубрик во флотской казарме, в котором он провел когда-то три года, а гостиница.

К вечеру комната заполнилась иными соискателями академического места, причем каж- дый из них неизменно вопрошал:

– Чего сдавать будем?

И получал стандартный ответ:

– Всё!

В книжной лавке купил отец Стефан тоненькую книжицу с избранными лекциями по догматике, решив, что на больший фолиант времени все равно не хватит, да и вообще неиз- вестно, о чем спрашивать будут. Лекции не читались, мысли отсутствовали, да и в комнате священническая рать гоняла чай с вечными поповскими разговорами о том, кто и где служит, кого куда перевели и где подешевле облачение приобрести.

Утром желающие получить гордое звание «академик» собрались у крыльца семинар- ско-академического корпуса и выслушали напутственное слово епископа-ректора, который

⁵ Апокатастасис (греч. ἀποκατάστασις – возвращение в прежнее состояние, восстановление) – 1) преображение мира, имеющее осуществиться по Божьему предначертанию в конце времен; 2) благодатное восстановление человека, совершаемое в лоне Православной Церкви; 3) восстановление людей Божественным действием при всеобщем воскресении мертвых; 4) частное понятие, указывающее на всеобщность будущего духовно-нравственного восстановления людей (в том числе греш- ников), используемое в рамках не принятой Церковью концепции о конечности адских мук. – *Примеч. ред.*

объявил, что в трех аудиториях на втором этаже их с нетерпением ждет преподавательский состав. Именно там, в обстановке христианской любви и взаимопонимания, гранды академического богословия побеседуют с ними на темы догматики, литургики и церковной истории и определят тех, с кем им придется часто встречаться в ближайшие четыре года.

Отец Стефан откровенно нервничал. Впрочем, было заметно, что и собратья его по экзаменационному испытанию тоже волновались.

В первой аудитории, куда зашел батюшка, проверяли знания по догматическому богословию, что, по мнению всех без исключения абитуриентов, было самым непредсказуемым и тяжелым испытанием. Мнение мнением, но реальность оказалась вполне приемлемой для нашего священника. Спросили у него то, что когда-то в семинарские годы ему четко и на всю жизнь втолковал старенький, переживший все церковные перипетии последних пятидесяти лет протоиерей.

Окрыленный успешным началом, батюшка без задержки перешел в следующую аудиторию, где беседовали о литургике. Для отца Стефана, который вот уже десятый год служил, часто исполняя не только обязанности священника, но и регента с псаломщиком одновременно, ответить на вопросы о расположении кондаков, порядке тропарей и последовательности литургии труда не составило. Можно сказать, что испытание на знание богослужения закончилось к взаимному удовлетворению спрашивающих и отвечающего.

Экзамен по церковной истории отца Стефана не волновал. Любил он историю как таковую вообще, а церковную особенно, да и на форумских баталиях в интернете обсуждения всех исторических тем не проходили без его участия. Более того, именно там, в историческом разделе самого крупного православного форума, был отец Стефан модератором – тем, кто за порядком в дискуссиях следил, нарушителей правил гонял, а случалось, и «банил», то есть вход на форум закрывал.

Окрыленным и уверенным предстал батюшка перед тремя преподавателями, один из которых показался ему знакомым, но, заметив на рясе экзаменатора епископскую панагию, отец Стефан решил, что видел молодого архиерея в прессе или на телевидении. С него-то, епископа этого, вся катаклизма и началась...

Внимательно посмотрев на отца Стефана, епископ открыл папку с его документами, чему-то улыбнулся и задал первый вопрос, потом второй, третий... десятый. Казалось, это испытание никогда не прекратится. Остальные члены экзаменационной комиссии недоуменно смотрели на своего коллегу, который гонял опешившего священника по всему разделу, начиная от первых апостольских времен и заканчивая современной историей африканских Церквей. Он не только гонял, но еще и сокрушенно вздыхал, победоносно констатируя: «И вот такие неподготовленные священники окормляют нашу боголюбивую паству!» Отец Стефан пытался отвечать, но когда амплитуда вопросов стала раскачиваться от альфы до омеги всех исторических знаний, растерялся, стушевался и замолчал...

Последним словам епископа о том, что надобно знать церковную историю не на уровне форумных интернет-баталий, отец Стефан не придавал значения. Он просто понял, что положительной оценки, как и духовной академии, ему не видать.

В большом актовом зале академического корпуса собрались все кандидаты в студенты. В предпоследнем ряду, в углу сидел насупленный отец Стефан. Сидел и сочинял формы объяснения своего непоступления. Для владыки, для соседей-священников, для прихожан с Сергеем Ивановичем.

После вступительного слова начали зачитывать список пятидесяти зачисленных, предупредив, что все, кто не вошел в число поступивших, должны покинуть помещение.

Батюшка застегнул свою походную сумку, надел скуфейку и приготовился уйти, тем более что его фамилия была по алфавиту одной из первых.

Одной из первых она стала и в списке студентов духовной академии. Ничего не понимающий отец Стефан на автопилоте слушал информацию о консультациях, сочинениях и семинарах... В голове был ворох несогласных между собой мыслей: «Ведь я же не сдал историю! Мне ведь сказали, что такому, как я, даже опасно быть священником».

В деканате заочного отделения отцу Стефану выдали вопросы на будущие экзамены первого семестра, разъяснили, когда приезжать, где жить и кому сдавать, а затем отправили в соседнюю комнату к ректору.

Вместе с главой семинарии и академии сидел за столом и архиерей, столь «полюбивший» нашего батюшку на экзамене по церковной истории. Мирно сидел. Улыбаясь. А затем, повернувшись к отцу Стефану всей своей епископской сущностью, дружелюбно сказал:

– Позвольте представиться, отец Стефан. Участник вашего форума Глеб.

– Глеб? – Глаза батюшки не только стали круглыми, они вообще отказывались четко передавать происходящее. – Так это я вас...

– Именно, именно, – продолжил епископ. – Именно вы и закрыли мне вход на форум, то есть «забанили» по-вашему, из-за спора византийского.

Как библейский соляной столп, молча возвышался над двумя хохочущими епископами отец Стефан. Да и что он мог произнести? Лишь одни междометия.

Вместо отца Стефана владыка ректор слова последние молвил:

– Поздравляю, отче, с зачислением. Надеюсь видеть в вашем лице не только принципиального модератора форума, но и достойного студента. А вам, ваше преосвященство, – добавил с улыбкой ректор, обращаясь к епископу-историку, – все же надобно под своим именем в интернет выходить, а не псевдонимы использовать.

Историческое открытие

Отец Стефан своего правящего архиерея видел нечасто и не потому, что придерживался старого солдатского (и поповского тоже) правила «подальше от начальства, поближе к кухне», а из-за того, что из родных палестин до епархиального управления было без малого полторы сотни километров, из которых половина грунтовка. В прошлом году летом владыка приезжал на престольный праздник. Литургию отслужил, слово свое святительское сказал и каждого прихожанина расцеловал. Да и как не расцеловать, если прихожан в наличии на архиерейской службе было всего двадцать две души?

В алтаре, конечно, многолюдно. Окрестные священники съехались, да свита архиерейская к числу служащих прибавилась. В храме же свободно. Бабушки да дедушки с тремя представителями молодого поколения, непонятно почему из села не уехавшими, много места не занимают.

В соседнем с храмом доме приготовили для владыки и гостей трапезу. Как вспоминают старожилы, в последний раз такой богатый стол еще при советской власти накрывали. Аккурат на майские праздники, когда высокое начальство им знамя победителей социалистического соревнования вручало. Сегодня областные чиновники вкупе с районными о наличии данного села вспоминали редко, и если бы не храм с его воскресными и праздничными службами, да неугомонным настоятелем, обивающим пороги местных государственных учреждений, забыли бы о нем напрочь.

На обеде праздничном рассказали прихожане своему «владыченьке», что в километре от храма криница⁶ есть. Вода в ней удивительная, целебная и святая.

– Это почему же святая? – удивился архиерей.

– Так там еще до колхозов часовня была, к ней вся округа ездила, – разъяснил дед Федор, исправляющий на приходе все должности, кроме настоятельской. – В той балочке, дорогой владыка, – продолжил дед, – на Пасху да на Преполование всегда служилось, и архиереи туда

⁶ Криница – родник, колодец. – *Примеч. ред.*

частенько заезжали. Я-то еще мальцом был несмышленным, плохо помню, а вот отец мой рассказывал, что воду эту даже в столицу самому царю возили.

– Так уж и самому царю? – засомневался архиерей, но, подумав, обратился к настоятелю: – Ты, батюшка, разузнай, что это за родничок такой знаменитый. Смотришь, и у тебя источник духовный расцветет.

Отец Стефан благословение архиерейское на «потом» откладывать не стал, по окрестным селам целый розыск учинил и в конце концов на местного краеведа-архивариуса вышел. В отличие от районного музея, где, кроме каменных скифских баб, фотографий времен прошлой войны, а также орденов и биографий передовиков сельского хозяйства, никаких документов не осталось, в домашней коллекции краеведа батюшка почти все нужное нашел. Была тут и карта, где место криницы крестиком помечено с надписью «Святой источник».

Видя, как искренне радуется священник, краевед, отнесшийся изначально к его визиту скептически и с опаской, удивленно хмыкнул и сказал: «Счас, погоди».

Это «счас» длилось минут десять, и перед опешившим отцом Стефаном оказалось несколько пожелтевших, наклеенных на картон фотографий его собственного приходского храма. Под снимками ясно читалось: «1912 год». Нашлось среди них и изображение небольшой беседки с крестом сверху, рядом с которой стояли несколько офицеров и светских дам.

На батюшкин вопрос «Это что, наш источник?» краевед утвердительно кивнул и, видя сомнение в глазах собеседника, еще раз сказал: «Счас».

Сил для нового удивления у отца Стефана уже практически не осталось, и когда перед ним появилась подшивка «Клировых ведомостей» начала прошлого века и метрическая книга его родного прихода тех же лет, он лишь смог произнести банальное: «Ух ты!». По документам выходило, что дед Федор был прав во всем, даже в том, что по благословению архиерейскому воду из этой криницы в Санкт-Петербург действительно отсылали.

Батюшка тут же засобиравшись в епархию. Да вот беда – краевед, несмотря на уговоры священника, съездить вместе с этими находками к владыке наотрез отказался, а копии сделать не разрешал. Пришлось прибегнуть к главному аргументу. Отец Стефан заверил местного историка и хранителя фактов и артефактов, что это историческое открытие будет обязательно обнародовано с указанием имени первооткрывателя во всех СМИ, включая интернет. Данное заявление подействовало неотразимо. В областной центр батюшка и краевед с документально-историческими сокровищами отправились вместе.

Пришел черед удивляться правящему архиерею. Правда, удивление владыки сочеталось с сугубым прагматизмом административно-пастырского характера. Изначально он поинтересовался, отслужил ли отец Стефан благодарственный молебен после столь грандиозного открытия. Объяснение, что не было времени, так как сразу в епархию поехал, владыка воспринял скептически и объяснил настоятелю, что Бога благодарить надобно за всякую милость, пусть даже самую незначительную, и одного «спаси Господи» никак не достаточно.

Пока в домовом епархиальном храме батюшка с архиерейским келейником служили молебен, владыка поил краеведа чаем с вареньем и пирогом. Местный архивариус и хранитель артефактов был настолько поражен необычностью обстановки и уважительным отношением к его персоне, что внутренне уже согласился предположить, что Бог все же существует. Это предположение начало переходить в уверенность, когда архиерей легко разобрался в представленной карте и стал бегло читать записи в метрической и приходской книгах, которые сам краевед расшифровывал с трудом.

В архиерейской приемной перед возвратившимся с молебна отцом Стефаном предстала невиданная картина: во всю длину и ширину стола, за которым обычно собирался епархиальный совет, были расстелены две карты – архивная и современная; над ними склонились две головы, горячо доказывающие друг другу свое видение данной местности в ракурсе только что совершенных исторических открытий. Причем обладатели этих голов обращались друг к другу

на «ты», позволяли себе горячо спорить и давать определения типа «Ничего ты не понимаешь!». Если бы не разные одеяния и прически, батюшке трудно было бы и определить, кому доложить о выполненном послушании.

Архиерей поднял голову и жестом пригласил отца Стефана присоединиться к окончательному разрешению архивных коллизий. Оказывается, на источнике действительно была часовня, к которой когда-то шел и стар и млад. Это неоспоримо доказывалось документами и свидетельствами. Вот только не на Пасху собирались там священники и верующие, а в Лазареву субботу, потому что сохранилось предание, будто воскресила та удивительная родниковая вода единственного сына вдовы, когда везли его на телеге уже на кладбище... Вырос тот сын и, испросив благословения у тогдашнего епископа, поставил на месте криницы часовню, освященную в честь праведного Лазаря Четверодневного.

Года лихие военные да голод советских времен жителей тех мест – свидетелей прошлого – практически всех уничтожили. Предания забылись, факты растерялись, а храмы порушились.

– Видишь, батюшка, – обратился владыка к отцу Стефану, – кабы не тот мой приезд, да служба на приходе вашем, да обед, которым меня старики твои угостили, так бы и не узнали мы о святыне этой. Согласен со мной?

– Согласен, владыка святой, – отвечал священник. – Промысл Божий.

За их диалогом внимательно наблюдал краевед, пытаясь понять, о каком таком обеде идет речь и что это за штука такая «промысл». Впрочем, удивляться он уже перестал по причине того, что все происходящее никак не укладывалось в его сугубо материалистическое сознание, давшее в этот день внушительный крен в сторону религиозного идеализма православного толка. Краевед пока понял только то, что его многолетний труд, от которого отмахивались все, начиная с жены и заканчивая местной властью, не только нужен, но просто необходим, востребован и будет сохранен.

Да и как не понять, если архиерей сказал, что все эти исторические материалы будут опубликованы, а батюшка должен добиться, чтобы церковная земля у святого родника была возвращена законному владельцу. Документы, как говорится, к этому требованию прилагаются.

В следующий свой приезд в областной центр отец Стефан направился в самый главный и большой государственный дом с колоннами. В доме этом последние сто лет при любой власти всегда всякие руководители обретались. Флаги над домом менялись, гимны разные в нем звучали, в кабинетах счеты заменились арифмометрами, затем компьютерами, а начальство как сидело по комнатам и залам, так и нынче сидит, даже в большем количестве. Долго бродил священник от одной двери к другой, читал солидные и грозные наименования руководителей и отделов, размышляя, куда же ему обратиться.

Все разъяснила пожилая женщина, которой батюшка вкратце объяснил, в чем собственно состоит его дело.

– Так это в земельный отдел, – подсказала она и указала нужную дверь.

В земельном отделе все были заняты рассматриванием бумаг и компьютерных мониторов, но все же длинноволосый священник в рясе никак не вписывался в чисто светский конторский интерьер, поэтому вскоре раздалось стандартное:

– Вы по какому вопросу, святой отец?

– По земельному, – откликнулся батюшка, обернувшись к молодому человеку.

– Какой район? – спросил чиновник.

Батюшка назвал район и село.

Молодой клерк долго выстукивал на клавиатуре дробь данных, а потом странно посмотрел на пришедшего попа и, поняв, что тот не шутит, ответил:

– Такого поселения в вашем районе нет.

Пришел черед удивляться батюшке:

– Это как же нет?

Дальше события развивались по сценарию, который в данном кабинете никто предположить не мог. Отец Стефан решительно придвинул к клерку стоявший рядом пустующий стул, уселся на него и так же безапелляционно взял у обомлевшего чиновника бразды управления компьютером. Быстро набрал в поисковой строке «Яндекс-карты», перешел в спутниковый режим, приблизил картинку и указал на две родные улочки с тремя десятками хат:

– Вот мое село! А вот это храм!

У стола с восседающим перед компьютером священником собрались все областные земельные ресурсы в лице начальников и их помощников. Да и как не собраться? Если, во-первых, поп за компьютером, а во-вторых, нашлось село в области, которого по документам не существует...

История с получением документов на землю рядом с поселением, которое нигде не значится, могла перейти в стадию долгой переписки, согласований и разбирательств, но на очередном областном празднике, куда пригласили и правящего архиерея, владыка взял и рассказал областному начальству об истории с криницей. Дело сразу приняло позитивное направление. И не только направление.

В областной газете появилась статья о новом удивительном историческом месте родного края; на телевидении батюшкин краевед дал интервью о своих находках и открытиях, а на месте криницы была быстро построена часовенка – такая же, как на архивном фото.

В Великий пост отец Стефан пригласил владыку к себе на приход в Лазареву субботу.

– Приезжайте, владыка, литургию отслужим и часовню на кринице освятим.

– Приеду, – с улыбкой пообещал архиерей, – готовься.

– Вот только, владыка, немного распорядок вашей службы изменить придется, – продолжил священник.

– Это почему же? – не понял архиерей.

– Так вы в прошлый раз расцеловали всех молящихся, а теперь их много, не получится...

Батюшкин сон

Верующим людям известно, что каждый наш сон из трех источников происходить может. Первый – нечастый, добрый, раздумья вызывающий и лишь со временем понимаемый, – от Бога; второй, регулярно нас беспокоящий, со страхами и ужасиками, – от лукавого; третий же, как святые отцы свидетельствуют, от «любезного для всех и лукавого владыки чрева»⁷, то есть от желудка, исходит.

Отец Стефан данный богословский изыск знал, всецело его поддерживал и частенько в приходских беседах использовал, так как милые сердцу прихожанки вопросы типа: «Ох, батюшечка, сон мне приснился непонятный» – задавали чуть ли не по графику. Причем количество подобных вопрошений всегда строго от календаря церковного зависело. Как только пост Великий в полную меру вступал, так сны имели свойство преумножаться.

Священник для себя такую закономерность следующей теоремой определил: днем за собой сами присматриваем, грешить стараемся поменьше, да и молимся в пост больше, чем в дни скоромные. То есть лукавого от себя отгоняем и силы ему на пакости всякие не даем. Ночью же это отродье, видя нашу постельную беспомощность, нас и атакует смущениями разными да картинами прелестными.

Теорема, конечно, неплохая и вполне правдоподобная получалась, да вот только в этом году никак она с самим отцом Стефаном не согласовывалась. Дело в том, что не успел пост начаться, как стал батюшку сон донимать, причем один и тот же, только с деталями разными.

Знал отец Стефан, что подвижники веры и благочестия советуют сны свои при себе держать, никому о них не рассказывать, чтобы окружающих в смущение не вводить, но когда в очередную ночь опять тот же сонный ролик повторился, не выдержал батюшка. Решил к духовнику поехать.

Духовник жил далековато. Почти у границы с сопредельным восточным государством приход его располагался. Село небольшое, но с храмом. Церковь во времена не столь дале-

⁷ См.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица. Слово 14. – *Примеч. авт.*

кие выстояла по причине того, что местному колхозу лень было новый амбар для хранения зерна и прочих сельхозпродуктов соорудить, а просторный каменный храм все в себя вмещал. Как только времена изменились и под крышей церковной молитва зазвучала, колхоз приказал долго жить, и вскоре энергичный, хотя и немолодой уже настоятель первоначальный вид храму вернул и рядом церковный домик соорудил с крестильней и трапезной.

Энергичного делателя на ниве духовной в епархии приметили, в сане повысили, а вскоре и в духовники его местное священство избрало. Именно к нему, в село дальнее отец Стефан и направился.

Духовник был в храме. С двумя прихожанками беседовал. Увидел отца Стефана и обрадовался. После того как поздоровались да расцеловались, пригласил духовник и нашего батюшку к разговору.

– Ты вот послушай, чего мне тут рассказывают.

Грустный отец Стефан, весь в мыслях о своих непонятных и настырных снах, не сразу переключился на иную тему, но когда разобрался, о чем толкуют женщины, немного от грустных раздумий отвлекся.

Просили прихожанки у духовника ветки вербы, которые, по их мнению, с прошлого Вербного воскресенья в церкви должны целый год неукоснительно храниться. На утверждение отца Петра (так духовника величают), что не осталось у него данных веток годичной давности, женщины внимания не обращали, вернее, словам священника абсолютно не верили.

– Батюшка, – категорично заявила старшая из них, – вы нам тут сказки-то не рассказывайте. Грех это! Во всех канонах давным-давно прописано, что верба эта год после Входа Господнего храниться в церкви должна. Вам ли, старому священнику, не знать! Видно, вы себе бережете...

Младшая из просящих была менее радикальна. Она просто умиленно смотрела на настоятеля и раз за разом повторяла:

– Дайте хоть пару веточек, батюшечка! Жалко вам, что ли? Мы их в общий пучок вложим и дело сделаем.

Отец Стефан никак не мог взять в толк смысл необычной просьбы, но в разговор все-таки встрял:

– И зачем вам эти праздничные старые ветки? Через три недели, даст Бог, доживем и новые освятим...

Старшая укоризненно посмотрела на чужого священника, взглядом оценила его молодость и, решив, что не перед кем ей тут объясняться, отмахнулась, мол, вы тут еще мешаете...

Разъяснил сам духовник.

– Понимаешь, отец, кур они решили на Благовещение вербой этой погонять.

– Каких кур? – не понял отец Стефан.

– Своих да соседских, – продолжил духовник. – Доказывают мне, что если вербой, которую мы в прошлом году освящали, утром на Благовещение куриц вместе с петухами погонять хорошенько, то они к Пасхе яиц нанесут несметное количество.

– Вот именно, отец Петр, много нанесут, – констатировала старшая прихожанка и добавила: – Вам же да детишкам вашим разговляться принесем.

Отец Стефан уже намеревался сказать горячую проповедь о языческом происхождении данных верований, но был остановлен властным взглядом духовника.

– Так, сестры мои дорогие, – решительно ответил духовник, – помните, в прошлом году после службы на праздник к нам целый автобус детишек из детского дома привозили?

– Помним, как не помнить? – затараторили обе женщины. – Обед мы им тут при храме готовили.

– Вот, – продолжил отец Петр, – им-то я все, что осталось с освящения, и раздал. Ничего не оставил. Уж простите.

Данное объяснение действовало. Переглянулись прихожанки, головами покивали, повздыхали. Видно, ребяташек этих горемычных вспомнили. Попросили благословения, да и ушли...

– Вот, отец Стефан, двадцать пять лет при этом приходе, и как ни пытаюсь эти поверья искоренить, не получается, – посетовал духовник. – То ветки им вербные подавай, то сны расшифруй.

Отец Стефан даже ойкнул от неожиданности и покраснел:

– Так я это, отец Петр, тоже ведь со сном собственным.

Пришел черед удивляться духовнику. Не ожидал он, похоже, такого коленкора. Знал священник, что отец Стефан человек образованный, начитанный, проповеди говорить умеющий и к приметам всяким, поверьям и прочему сугубо народному околорасправославному творчеству непримиримый.

– Это как же, отче, со сном-то? – сокрушенно глядя на отца Стефана, спросил духовник. – За шестьдесят километров приехал мне сон рассказать? И чего же такое тебе приснилось?

– Да я уже, батюшка, спать ложиться боюсь, – начал рассказывать отец Стефан. – Каждую ночь снится, что еду я на машине на службу, но по другой дороге. Храм мой в стороне остается. Понимаю, что не туда еду, но повернуть не могу. Забор какой-то длинный каменный по левую сторону, а потом здание большое, на церковь непохожее, но с большим крестом на крыше. Встречают меня люди незнакомые, вовнутрь ведут, в зал большой, а в конце зала возвышение какое-то. Я туда захожу, а там за ширмой престол стоит с крестом и Евангелием. Понимаю, что это алтарь, и ищу место, где жертвенник должен стоять. Нахожу, но он далеко-далеко, к нему идти надо долго, а пол под ногами гнется и проваливается. Понимаю, что надо мне службу начинать, а ни алтарника, ни пономаря – никого нет. Да и в голове постоянно вертится мысль: «Чего я тут делаю, меня же на приходе ждут?» И вот так, отче, каждую ночь одно и то же, – закончил отец Стефан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.